

Тош Трюфельд

Книга щупалец

Глава первая. Осколки детства

1

Шлюп мягко резал простынь моря, вспучивая по бокам два прозрачных горба, в которых колыхались медузы и плавленное солнце. Марко уцепился за ванту и, балансируя одною ногой на фальшборте, а другою по-мальчишески болтая, свесился над волнами, и ветер щедрыми пригоршнями швырял ему в лицо мелкие шипучие брызги. Марко жадно глотал их и улыбался: никогда он не чувствовал себя так легко, как сейчас. Сердце его взмыло ввысь и парило там, упоённо крича вместе с глупыми чайками. Сегодня он совершит то, что грезилось. Главный поступок в жизни. Подвиг во имя любви...

2

Марко помнил тот день, как будто вчера.

Солнце пронизывало летний воздух, лёгкий ветерок приносил из порта запах соли и

водорослей. Рыбацкий квартал спускался к морю амфитеатром белых, утопающих в садах, домиков. Жилища громоздились друг на друга, словно весёлые дети, которые сбегают гурьбой к воде искупаться и наскакивают на спины впереди бегущих. Террасы домов повыше выходили прямо на крыши тех, что стояли ближе к берегу. На одной из таких террасок тощие кошки с некрасивыми и чувственными мордами валялись в тени дикого граната. Худоба кошек проистекала явно не от голода, ведь дармовой рыбки им всегда хватало с избытком; худоба была спасением от жары. Они лежали, распластавшись как коврики, впитывая прохладу и стараясь не производить лишних движений. Но кошачьей идиллии не суждено было продлиться долго. Эрик, сын рыбака Петара, спрыгнул со ступеней, хохоча и размахивая палкой над головой. Он весь раскраснелся, шевелюра взлохматилась. С яростным мявом кошки брызнули в стороны, а рядом приземлился ещё один шалопай: Марко, наследный принц Локрума, будущий правитель этой земли.

— Моли о пощаде, недостойный плебей! — воскликнул он, устремив палку в сторону Эрика на манер шпаги, и постарался соорудить самую напыщенную рожицу, на какую только был способен. — Тебе и твоим рыболовам никогда не получить власть!

— Ха! — ответил тот и дерзко стукнул по оружию Марко своей деревяшкой. Эрику этой весной исполнилось десять, и он был на год старше своего принца. — Убеждай себя сколько хочешь, но твоему жестокому правлению конец, кровопийца! Я покончу с тобой здесь и сейчас!

Противники издали боевой вопль и бросились друг на друга, выписывая палками гудящие восьмёрки.

— Ох, не к добру это, — качала головой тётка Бажена, волоча мимо корзину с абрикосами. — Петар, куриные твои мозги! За такие вот разговоры можно и башки лишиться! И не только тебе, Петар, но и сыну твоему, балбесу! А ты сидишь тут и в ус не дуешь! Петар, ты отец или кто?!

Рыбак Петар развалился в плетёном кресле и попыхивал трубочкой, по лицу его бродило умиротворение. На Локруме начиналась Карнавальная неделя, поэтому в море он сегодня не выходил и с рассвета предавался драгоценной праздности. Петар знал, что Бажена боится всего на свете, ей только подкинь невинную мысль, как она тут же углядит в ней крамолу или иную жизнеопасную страсть. Но при этом она была женщиной пышной и обходительной, поэтому Петар — не просто первый рыбак королевства, но ещё и одинокий отец — был готов прощать её мнительность. К вечеру Бажена украсит его —

Петара — рыбацкую шхуну цветами и лентами, и он выйдет в гавань, на большой парад лодок. Бажену можно было понять: мало кто сдержал бы недоумение, увидев, как малолетний принц околачивается в рыбацком квартале, без стражи, без свиты, да ещё позволяет местной детворе так с собой разговаривать!

— Не волнуйся, Баженка, — усмехнулся Петар и шлёпнул её сзади по юбкам, так что абрикосы в решете испуганно вздрогнули. — Король Милан хороший человек, а пацаны наши, мой и короля, глянь, как ладят! Смекаешь? Если они позволяют себе подтрунивать над происхождением друг друга — вот так вот, запросто, без обид, — значит, свободны от предрассудков! Они смеются над этим! Светлые головы. Люди грядущего. И как славно, что один из них — будущий король, а другой — просто рыбак: значит, страна наша с тобой, Баженка, не обречена. Локрум ещё повоюет!

— Ах, Петар, я этих твоих растеканий не понимаю, — женщина закатила глаза. — Вроде нормальный мужик ты, Петар, и улов у тебя всегда самый большой, и приласкать можешь, но вот как начнёшь словесить о судьбах родины, так сразу хоть убегай!

— Ну и у кого тут куриные мозги, а, Баженка? — Петар сердито выдернул трубку изо рта. — Иди в дом, давай!

Бажена фыркнула, оправила юбки и двинулась прочь.

— «Хоть убегай», видали такую! — проворчал рыбац.

Деревянные шпаги с треском грызли друг друга. Эрик загнал Марко на балкон, куда склонялись громадные, белые цветы магнолии.

— Потомки запомнят день, когда тиран был сражён рукой простого трудового народа! — продекламировал Эрик и несколько раз рассёк воздух перед носом маленького принца. Марко приподнял бровь:

— Э-э... рукой простого трудового народа?

Сын рыбака пожал плечами: мол, что в голову пришло.

— Эрик, ну ты и баклан! — Марко отбросил палку и прыгнул вперёд по-тигриному.

Оба сбились в охапку, вылетели с балкона на крышу нижнего дома и покатались по оранжевой черепице, щекоча друг друга и яростно, до хрипоты смеясь.

— Простого трудового народа! А-ха-ха-ха-ха!

— Что не устраивает?

— Ну, ты отмочил, баклан!

— Ты сам баклан, Марко!

— Я твой принц!

— Вали-ка нахрен, ваше высочество!

Для принца драться на палках было занятием

престранным, ведь с детства аристократы Локрума имели возможность фехтовать настоящими клинками. Маленький Марко тоже сперва пытался фигурировать шпагой перед простыми мальчишками, но отец-король быстро отучил его от этой привычки. Когда он увидел, что сын опасно размахивает металлом перед носом у детворы, самолично выбежал из дворца и задал принцу добротную порку. «Ты же мог поранить кого-нибудь! — воскликнул король Милан, обхватив сына за плечи. — Мозг, Марко! Мозг должен быть на плечах!» Марко тогда взялся канючить: «Но пап, мне не интересно махать палками! Я же принц!» — «Включи воображение, — отвечал король. — Ты же поражаешь вымышленных чудовищ. Для этого тебе не нужен настоящий меч».

Марко и Эрик рухнули в сад, помяв несколько соседских розовых кустов, и разлеглись в траве, под неодобрительные взгляды кошек, продолжая содрогаться от хохота. Вокруг щебетали птицы, и пчёлы гудели в огненных цветках дикого граната. Пятна света, точно большие солнечные улитки, лениво ползали по белым стенам, воздух весь напитался звуками. Марко — хоть он и не задумывался о таких вещах в свои девять — переполняло ощущение безмятежной радости. Он чувствовал себя совершенно счастливым. И конечно же маленький принц не догадывался, что

скрипнувшая в тот момент перед домом рыбака Петара калитка станет переломным моментом в его мироощущении...

3

Марко отвлекся от воспоминаний, подтянул шкоты и слегка накренил шлюп на подветренный борт. Паруса вздулись кремовыми буграми, и он ощутил их приятное сопротивление. Над головой не было ни облачка, лишь яркое солнце и чайки, но ближе к горизонту он видел, как небесная голубизна над морем сгущается, темнеет, будто кто-то поставил небу здоровенный синяк. Похоже, где-то там собиралась гроза. Но Марко знал, что *там* гроза не «собиралась»: он знал, что *там* гроза была постоянно, *там* тучи никогда не рассеивались и не исчезали. Он знал это потому, что именно *там*, в глубине туч на горизонте, лежала конечная цель его путешествия.

Пыльные книги говорили, что исполинская птица Морх, которая кормит своих детей раз в две тысячи лет, однажды пролетая над Эпиотикой, уронила в море несколько крошек той пищи, что сжимала в когтях. Крошки упали в дрожащую синеву и стали островами, где расцвели через много лет Перишельские Королевства — среди них и Локрум.

Но об одном острове молчали пыльные книги в королевской библиотеке — а если и упоминали, то шёпотом, трусливо пряча слова в истёртые страницы и мелкие шрифты. Лишь один остров не был крупницей корма, собранного птицей Морх для птенцов. Только один имел иную природу рождения. Остров, отдалённый от прочих, лежащий в крайних водах. Сюда не осмеливались заплывать даже матерые флибустьеры, в чьих телах ныли сабельные шрамы, а опалённая солнцем кожа впитала запах соли и пороха. Но именно туда неуклонно скользил локрумский шлюп под королевским флагом. Именно туда стремилось безрассудное сердце Марко уже столько лет.

Грк, остров, опутанный не одним проклятьем.

Грк, слово, которое не выговоришь, не свернув язык.

Грк, имя, которое — если произнести его всё же удаётся — срывается с уст зловещим вороньим карканьем. Этим именем на Локруме пугали детей. Но в Марко Грк возбуждал лишь чувство соперничества, азарт, мальчишескую бодрость, как перед дракой...

4

— Вы, глупые простолюдины, даже меч в руках нормально держать не можете, — пропыхтел

маленький Марко, лёжа в траве и раскинув руки. Сверху с шуршанием осыпались глянцевые листья магнолии, которую дети потревожили при падении.

— Ты первый бросил свой меч, кровавый тиран, — пытаюсь отдышаться, ответил Эрик. — Наверное, ты просто испугался народного гнева.

И оба захохотали с пущей силой.

В этот момент скрипнула калитка, и на террасу перед домом рыбака Петара вошёл человек в пурпурно-золотом гвардейском облачении, с алебардой на плече. Форменный берет он лихо заломил набок (так делали сейчас все молодые локрумские гвардейцы, чтобы произвести впечатление на девиц), хоть сам имел седые усы и нос морщинистой картофелиной над ними, и был уже не слишком молод. Петар приветственно поднял руку, не вставая из кресла.

— Карнавал ещё не начался, а ты уже на солнышке разлагаешься, Петар, ленивый ты сукин сын? — пророкотал седоусый гвардеец и лязгнул алебардой, прислонив её рядом с калиткой.

— И тебе, Андро, привет, — ответил рыбак, выпуская колечко дыма. — Садись, посиди. Баженка! Тащи винца, у нас гости!

Гвардеец с кряхтением погрузился в такое же плетёное кресло рядом, сдёрнул берет и провёл рукой по лысине.

— Фу-х, ну и жара! — выдохнул он. — Неприлично старикам по трущобам лазить за их малолетним высочеством.

— Да уж, занятие не для суровых воинов! — усмехнулся Петар. — А что же из молодняка никого не приставили к принцу? Или у вас в гвардии только деды теперь?

— А что молодняк, — развёл руками Андро. — Молодняк, сам знаешь, в няньках ходить не желает. Им бы по девкам да по кабакам! И королева не доверит желторотому новобранцу своё дитяtko. Наследник, как ни крути! Да хоть бы и не наследник... Где он, кстати?

— По-моему, пацаны только что свалились в сад к Славко Митичу, — Петар неопределённо махнул рукой в сторону нижнего дома. — И, небось, попортили все розы его дорогой жёнушки. А извиняться мне!

— Андро, ты бы втолковал принцу-то, — подошла тётка Бажена, держа на подносе кувшин с вином, глиняные кружки и несколько абрикосов. — Ну куда годится, королевской особе с рыбаками палками махать!

— Поди, растолкуй! — развёл руками Андро и взял с подноса абрикос. — Его высочество делает, что пожелает, и в голове у него ветер, который всегда дует в разные стороны.

— А король с королевой куда смотрят! — закачала головой Бажена. — Ну ладно Петар — этот сына разуму научить не в состоянии, потому что сам — дурья башка, но они-то!

— Ну-ка цыц, женщина! — прикрикнул на неё рыбак. — Иди, вязанием займись и не пудри мозги могучему стражу!

Бажена повернулась, так резко, что из кувшина выпрыгнуло несколько душистых капель, и зашагала в дом.

— Эй! Винцо куда потащила? — крикнул ей Петар вслед. Та даже не обернулась.

— Да оставь, я на службе всё равно не принимаю, — примирительно сказал Андро, поглаживая лысину. — Уж больно ты строг с ней, Петар. Обидится ведь, уйдёт от тебя. Пропадёшь без бабы. И Эрику худо будет.

— Знаю я, — пробурчал Петар, засунув трубочку в рот и насупившись. — Ну а чего она, трусиха, кудахчет по любому поводу! Того не говори, этого не делай!

— Станный ты, Петар, ей богу, — Андро смачно откусил от абрикоса. — Требуешь от бабы своей прогрессивных взглядов, а сам гоняешь её, как по старинке: то подай, это принеси, молчи, женщина, стой, ляг. Я вот, например, — он выпрямился в кресле и подкрутил седой ус, — с

дамами всегда галантен, как и подобает офицеру!

— Это потому, старый чудак, что дамы твои все — кабацкие девки на вечер! Из тебя уж песок сыплется, а ты всё хохотушек за сиськи щиплешь!

— Да что ж ты... — зашипел на него Андро, но осёкся.

Из-за угла появились Эрик и Марко, о чём-то без умолку болтающие. Андро вскочил, вытянувшись по стойке смирно. Петар тоже нехотя поднялся из кресла, всё-таки даже передовые взгляды не позволяли ему сидеть в присутствии наследника локрумского престола.

— Ваше высочество! — отчеканил старый гвардеец. — Имею предписание срочно сопроводить вас во дворец для аудиенции на высшем уровне!

— Привет, Андро, — кисло помахал ему маленький принц. — Что там ещё?

— В честь наступления Карнавала ваших родителей посетят король и королева острова Млен, а так же юная принцесса Лаура, — физиономия Андро утратила официальность, и гвардеец хитро ухмыльнулся: — Она, кстати, ваша ровесница, принц Марко.

— Вот ещё! — запальчиво крикнул маленький принц и аж притопнул ножкой. — Не хочу! Чего я, принцесс не видал? Желаю остаться здесь и играть с Эриком, сколько мне вздумается!

Андро вздохнул и натянул форменный берет, на этот раз поглубже, без выпендрёжа, чтоб не свалился.

— Боюсь, в этом случае, — сказал он с напускной серьёзностью, — имею разрешение от вашей матушки применить грубую силу.

— А ты догони, старая развалина! — Марко показал гвардейцу язык и бросился наутёк. Андро сокрушённо опустил ладонь на лицо.

— Сочувствую, — сказал Петар и вновь уселся в кресло. — Дерзай, могучий воин.

Некоторое время сады рыбацкого квартала оглашали душераздирающие кошачьи вопли, треск веток, залиvistый смех Марко и сдержанная ругань престарелого гвардейца. Петар попыхивал трубочкой с невозмутимым выражением.

— Пап, а Марко нельзя остаться у нас на подольше? — тихо спросил Эрик. — Мы с ним играли в свержение кровавого тирана, это так весело...

— Думаю, он к тебе ещё заглянет поиграть, — ответил Петар, и пробормотал в сторону: — А ещё лучше, если ты к нему.

— Что, пап?

— Ничего! Я говорю, наиграетесь ещё, хулиганы! А пока пускай уж твой принц познакомится с девочкой. В его возрасте полезно.

— А в моём? — спросил Эрик, и глаза

мальчика превратились в узенькие щёлочки.

— Ну, понимаешь, — Петар заёрзал в кресле, — У королей свои заморочки. Всякие там династические браки и прочее...

— А если она не понравится Марко? Эта принцесса Лаура с острова Млен. Он всё равно должен будет на ней жениться?

Петар недовольно крикнул. Он очень не любил, когда его ставили в тупик честными вопросами. Особенно, когда это делают дети. Его дети. Быть отцом гораздо сложнее, чем обеспечивать рыбой всё королевство.

— Я не знаю, сынок, — пробурчал рыбак. — Тут уж, сам понимаешь, как карта ляжет...

Показался кряхтящий Андро в берете набекрень, несущий на плече отчаянно брыкающегося принца.

— Отпусти меня, кретин! — верещал Марко. — Тебе отрубят голову!

— Ну, мы пошли, — махнул Андро присутствующим. — Не хворайте, рыбачки.

— И тебе, старина! — Петар отсалютовал трубочкой. — Держись!

— Пока, Марко! Ты ведь к нам ещё придёшь? — крикнул вслед Эрик.

— Пока, Эрик, — упавшим голосом протянул принц, стучаясь подбородком о лопатку гвардейца. — Я надеюсь.

Андро подхватил свободной рукой алебарду и вышел.

5

Удивительно, в каких мелочах Марко помнил всё. События, разговоры, цвета, запахи. Хотя чего же здесь удивительного? Тот день перетряхнул его жизнь, как мешок со старыми игрушками, перевернул всё с ног на голову. К вечеру, когда на улицах стали зажигаться фонари, а в небе — вспыхивать первые карнавальные фейерверки, маленький принц был уже другим. Совсем другим.

Марко закрепил такелаж и подтянул к себе сумку с королевским гербом Локрума: пурпурным осьминогом на бело-золотом полосатом щите. Вытащил из сумки фляжку и укутанный тряпицей шмат пирога с каперсами. Пироги для Марко пекла его матушка — да-да, королева острова Локрум собственными руками, и всегда при этом закалывала волосы в пучок-петлю, как маленькая девочка, — и это было скорее трогательно, нежели странно: не более странно, чем принц, фехтующий с рыбаками на палках. Он уселся, скрестив ноги, и набил рот пирогом. Никто не способен был повторить пироги королевы: чтобы воздушные, как облака, и чтобы полное брюхо каперсов! Даже сейчас, когда Марко сделался шустрым молодым

мужчиной, королева пекла ему пирог всякий раз, отпуская в плавание. То был важнейший штрих семейных отношений, нежное проявление материнской любви, какие часто становятся сокровищем в среде, где светские приёмы и политика постепенно выедают всё человеческое, кроме одиночества.

Марко очень хотел, чтобы и его любовь — единственная и настоящая — обрела такой же атрибут, красивый символ, преисполненный романтики. Ради этого он и плыл сейчас в сторону дьявольского Грка.

Принц жевал пирог и смотрел вдаль. Лиловый синяк заметно расползся по небесной физиономии. Уже близко. Скоро, очень скоро Марко вступит на проклятую землю острова Грк, куда не проникает солнце, где постоянно идут дожди, и рычит гром. И он был безмерно рад этому. Но пока следовало хорошенько подкрепиться...

6

К прибытию властителей острова Млен и их маленькой дочери, принцессы Лауры, всё сверкало. Площадь перед Козицыным Верхом — королевским дворцом Локрума — вычистили пуще обычного.

Приодетый в кружевную рубашку с жилеткой,

Марко стоял, насупившись, у открытого окна. Черепичные крыши, рыжие, будто испеченные из имбирного пряничного теста, разбегались внизу, повсюду полоскались яркие, в цветах Локрума и Млена, флаги, тихо шелестели апельсиновые деревья. Умытый камень дворцовой площади сиял белизной, сновали туда-сюда деловитые стайки голубей и первые карнавальные персонажи в разноцветных домино с гофрированными воротниками разминали конечности. Но маленького Марко всё это абсолютно не забавляло. Он выволок из носа здоровую козявку и принялся исступленно месить её большим и указательным пальцами.

Ему хотелось сорвать с себя душную накрахмаленную рубашку, выскочить в окно, пробежаться по черепице, поднимая птиц в воздух, вскарабкаться на крепостную стену и оттуда сигануть — прямо в сапфировую воду, густую и прохладную. Стать загадочным морским животным, уйти на дно, затаиться среди кораллов, лишь бы не присутствовать на идиотском приёме.

Королева Брана подошла сзади и мягко запустила руку сыну в шевелюру. Марко буркнул и недовольно мотнул головой.

— Не кисни, сынок, — тихонько сказала королева и улыбнулась. — Сегодня же карнавал, не время кукситься.

— Мама, мне не хочется, — заныл Марко.

Она присела рядом и принялась расправлять брызги жабо на груди сына. Волосы её по-девчоночьи были собраны в пучок-петлю, в них сверкали капельки янтаря и крошечные топазики. Удивительным образом столь простая, некоролевская причёска подчёркивала мамино изящество и достоинство куда лучше, нежели замысловатые волосяные конструкции иных знатных дам — их аналогичные добродетели.

— Я тоже не большая любительница официоза, мой маленький Марко, — королева сморщила нос и улыбнулась. — Потерпи чуть-чуть, а потом будешь свободным, как ветер. Сегодня можно будет лечь попозже.

— Правда?

— Правда-правда, — она подмигнула сыну. — Или даже не ложиться вовсе. Во время карнавала спать совсем не тянет, правда? Давай, собирайся с мыслями, и пойдём.

Марко опустил голову. Пальцы его продолжали скатывать козьявку в шарик.

— Всё равно... так не хочу туда... я бы лучше поиграл в тары.

— Думаю, принцесса Лаура отлично играет в тары.

— Пф! — Марко отмахнулся. — Там нужно тактическое мышление и полководческая смекалка! Девчонки не умеют играть в тары!

Брана вздёрнула бровь.

— Кроме тебя, мам, — поспешно добавил Марко, смешавшись. В семье властителей Локрума королева Брана играла в тары лучше всех. Она была родом из островной торговой республики Шуфрум, кузиной верховного регента Вигора, и в их семье виртуозной игре уделялось особое внимание. Иногда она умудрялась отстроить обе столицы за пять ходов, не оставляя соперникам шанса захватить хоть одну. Марко обожал тары — из всего набора изящных искусств, обязательных к изучению для каждого высокородного локрумца, он любил их, пожалуй, даже больше фехтования и верховой езды — однако одолеть матушку ему удавалось крайне редко. Практически никогда.

— В прошлый раз я лишь неправильно рассчитал доход, — важно заявил маленький принц. — Чуть-чуть не хватило монет на Полумесяце, чтобы докрутить колоду. Если бы выпал гиппогриф, вы были бы у меня в руках, мамаша!

И для значительности маленький принц поднял указующий перст перед материнским лицом.

— Марко, у тебя козявка на пальце, — заметила королева, нежно поймала сына за руку и принялась оттирать платочком.

— Если ты сегодня перестанешь ковыряться в

носу, хотя бы на время, я думаю, у тебя будет превосходная возможность продемонстрировать принцессе Лауре, как правильно сыграть гиппогрифа, — сказала она, улыбаясь.

Маленький принц выдал короткую очередь нытья. Сунув платочек Марко в карман жилетки, она обняла его за плечи.

— Всё будет хорошо, сынок. Главное, сохраняй таинственность и загадочно улыбайся.

— Мам!

— Это нравится всем девушкам!

— Мама!

— Молчу, молчу. Идём, уже. Гости ждут.

7

По небесам прокатилось низкое урчание, словно кто-то неудачно отобедал, и вернуло принца к реальности. Вокруг стемнело, солнце спряталось, пространство сузилось, парусина тревожно захлопала на ветру. Птицы куда-то пропали. То тут, то там, море ослаблялось гребешками пены, и сама вода будто бы посерела и сморщилась, как лицо человека с больными почками. Марко поспешно привёл шлюп чуть круче к ветру и ухватился за румпель, стараясь уравновесить качку. Он склонил голову набок, выглядывая из-за мачты. Волосы отбросило назад, и ветер теперь отвешивал принцу

быстрых дребезжащих пощёчин. Впереди Марко увидел то, что заставило его глаза распахнуться широко-широко, несмотря на жёсткие порывы ветра. Над горизонтом фантастической фигурой вырастал из моря громадный облачный ком, лохматый и клубящийся по кромке. Он стонал, как умирающий левиафан, в его утробе то и дело полыхали белёсые зарницы, обозначая контуры, видеть которые Марко желал больше всего: во чреве штормового фантома проступали берега острова Грк. С каждой вспышкой тучевой колтун вновь издавал болезненный стон, который впивался в виски и щекотал внутренности. Гроза, обволакивающая остров, действительно не прекращалась ни на мгновение. Тучи бурлили хороводом, вяло срыгивая в окружающее пространство полинялый туман. Первые капли укололи Марко в щёку и в лоб. Мутное месиво рокотало, разрасталось на глазах, близилось и уже почти нависало над крохотным шлюпом рваным чернильным пологом. Теперь Марко мог различать силуэты прибрежных скал Грка даже без вспышек молний. Они серели сквозь пелену, грузные и усталые от постоянных дождей, а гром ныл над ними, как ребёнок, которому скучно, как рана, в которую попала соль.

Извивающиеся ошмётки туч протянулись над шлюпом, и дождь мокрой простынёй облепил

принца. Марко запрокинул голову, подставляя лоб и шею потокам воды, смакуя каждым позвонком хищную прохладу, вливающуюся за шиворот рубахи — и громко рассмеялся в лицо рокочущим небесам. Плевать он хотел на проклятья Грка, на жуткие легенды, окружавшие его. Абсолютно не волновало принца Марко, имели ли эти нескончаемые дожди мистическое происхождение или же были аномалией природного свойства. Сейчас каждая частица его трепетала от сознания собственной дерзости и отваги. Он чувствовал себя настолько рыцарем, насколько это возможно. И очень хотел, чтобы взгляд его, устремлённый к неумолимо приближающимся берегам острова, был сейчас так же выразителен, как у героев поэм и баллад.

Марко ослабил такелаж, позволив шкоте свободно скользнуть на противоположный борт, и повёл шлюп по краю острова в поисках места бросить якорь.

Известняк набухал с берегов ломтями исполинского творога. В некоторых местах творожные пластушины растрескались, раззявили с чмоканием крошечные гроты — и принц начинал понимать, откуда брались все эти разговоры о проклятиях.

Невероятные скопления скал заставляли полностью утратить ощущение горизонта: Марко

видел, как они наваливаются, кренятся, замирают, готовые вот-вот обрушиться, под самыми немислимыми углами — и если долго смотреть на них — начинает кружиться голова и можно легко сверзиться в море.

Кое-где в складках виднелись пучелобые глыбы. Гротескными исполинами они хмуро проступали с глубины серых слоёв, и в их провалившихся ртах и глазницах роились летучие мыши...

8

Оливковый зал был не самой торжественной приёмной дворца. Тронный или Янтарный существенно просторнее и светлее, но правителей Млена принимали именно здесь, в комнате с зеленоватыми в маслиновых ветках обоями и древними мозаиками на потолке. Возможно, такой выбор был как-то связан с присутствием на гербе острова Млен плодов оливы, хотя мало кто здесь отягощал себя таким вниманием к геральдике. Приёмная уже забила кучей бессмысленных людей. Вельможами, напоминающими фазанов брачного периода, придворными дамами, похожими на фруктовые торты, музыкантами в колпаках и пёстрых лосинах, суетливо подкручивающими колки своих струнно-смычковых приспособлений,

и художниками, спешащими запечатлеть исторический визит для потомков. Пастельные мелки в быстрых руках последних елозили по бумаге с таким звуком, будто кто-то сдержанно хихикал в кулачок. И Марко положительно чудилось, что хихикают над ним. Нахмутив брови, он старался держаться немного за спинами родителей и глаз от пола не отрывал. Паркет Оливкового зала был надраен до зеркального блеска, и Марко видел в нём всех этих сгрудившихся вдоль стен человечков, перевёрнутых вверх тормашками, отчего те представлялись ещё нелепее и ещё бесполезнее. Люстры слепили из-под ног, размазавшись по паркету вязким сиянием, и — хотя обычно Оливковый зал представлялся одним из самых покойных помещений Козицына Верха — сейчас принцу было здесь неуютно. Неловкость его подобралась к самому горлу, когда менестрели издали пару отвратительно торжественных аккордов, и голос валета заявил на весь зал:

— Их королевские величества, владыки Млена король Драган и королева Сузана!

Марко вжал голову в плечи и взялся потеть.

— И её королевское высочество, принцесса Лаура!

Снова взвыли виолы и лютни, воздух наполнился шарканьем подошв и шуршанием тканей — толпа вдоль стен сморщивалась в

глубоком поклоне. Марко судорожно представлял, как он вырывается из этого душного зала, выбирается на крышу, глубоко впускает в себя свежий воздух, отдирает от горла колючее жабо, как бросается в холодное чистое море... Как сидит на дне и смотрит оттуда наверх сквозь толщу вод, укрывающих от всех этих шумных людей и их правил...

Его отец, король Милан, владыка Локрума, похохатывая и покачивая внушительным, пурпурного бархата пузом, вышел вперёд, навстречу гостям. Он слегка кривлялся, стараясь смягчить излишнюю формальность приёма, и помахивал руками вокруг себя, растопырив пухлые пальцы в аметистовых перстнях. По традиции владыки Локрума на торжествах всегда облачались в геральдические цвета: король — в фиолетовый пурпур, королева — в охряное золото.

— О-хо-хо, Драган! Как славно, как славно, мой добрый друг! — гудел он большим добродушным шмелём, заключая долговязого короля в объятия и хлопая по сухой, как доска, спине.

— Сузана, ваше величество! — король Милан сделал было попытку заграбастать и повелительницу Млена, но вовремя сдержал порыв. Королева Сузана улыбнулась, изысканно склонила голову и расправила пышные юбки. Матушка

Марко ответила в той же манере.

— Мы очень рады вам, Сузана, — тепло произнесла королева Брана, которая, помимо виртуозной игры в тары, всегда умудрялась сочетать в своих интонациях искренность с деликатностью этикета.

— И маленькая Лаура с вами! Как прекрасно! Просто красавица! — размахивал аметистами на пальцах король Милан.

Марко по-прежнему пялился в ослепительный паркет и категорически отказывался смотреть в ту его часть рядом с перевёрнутыми королём и королевой Млена, где стояло что-то такое бледное, тоже перевёрнутое и ужасно девчоночье. И как он ни представлял себя недосягаемым на морском дне, шёпот Браны вытащил его из спасительного плена:

— Марко! Вперёд уже!

На одеревенелых негнущихся конечностях принц вышел из-за охрово-лучистого кринолина матушки, глядя по-прежнему в пол, но краем глаза отмечая, что принцесса аналогичным манёвром выплывает ему навстречу. Сделав ещё несколько неуверенных шажков, он встал как вкопанный и отвернул голову вбок, словно гвардеец на параде. Смотреть куда угодно, но только не перед собой. Принца овеяло лёгким, еле уловимым ароматом ванили.

— Премного счастлив наблюдать ваше

высочество в нашей скромной обители, — не слишком дружелюбно пробурчал Марко себе под нос и неуклюже поклонился, не поворачивая головы. Боковое зрение сообщило, что очертания принцессы изобразили ответный реверанс.

— Чувствуйте себя как дома, ваше высочество, — хмуро добавил принц, и внезапно, как снег на голову, он услышал тихий, тоненький, будто игрушечный колокольчик, голос:

— Прошу прощения, принц Марко, но, на мой взгляд, вашим слугам не следует столь ревностно натирать паркет; он у вас такой гладкий, что можно поскользнуться и сломать шею.

Кровь ударила Марко в голову, он вздёрнул глаза на произносившую эти неслыханные слова принцессу, и в мгновение ока мир изменился. Изменился раз и навсегда, неумолимо и бесповоротно. Куда-то исчезли все звуки, все люди. Марко не слышал, как по Оливковому залу шелестит вздох удивления, и как королева Сузана страшным шёпотом пытается одёрнуть дочь. Мир перевернулся, раскололся, верх стал низом, надир — зенитом, и Марко вдруг понял, что он сейчас — не сам принц, а всего лишь собственное отражение в блестящем паркете. Он не знал, что происходит с ним. Перед собой он видел только эту невероятную девочку, которая смотрела прямо на него, прямо ему в лицо, в пику всем нормам приличия, с

абсолютно равнодушной полоской губ, но смеющимися глазами. Смеющимися над ним, принцем Марко, глазами.

На ней было кукольное платье из серебристо-серого шёлка, довольно скромное, однако затейливое и расшитое варанским кружевом. Разумеется, маленький принц понятия не имел, чем варанское кружево отличается от любого другого, да и не было это важно. Её локоны были сияющим облаком, и казалось бесспорным, что именно они дают свет этому месту, а вовсе не люстры. Ангел спустился с небес? Этого Марко не знал. Как не знал он и того, какие силы заставили его в тот момент протянуть руку и произнести, не моргая и не отрывая глаз, словно шевеля во рту чужим языком:

— Вы можете опереться на меня, ваше высочество. Так вы сведёте шансы сломать шею к минимуму.

9

— Так вы сведёте шансы сломать шею к минимуму! — крикнул Марко, стараясь переорать гром, и ловко приземлился на кособокие каменные пластушины, обретая, наконец, под ногами твердь после долгого плавания. Если земли острова Грк и проклинали каждого вступившего на них, то принц

только что схлопотал эту чёрную метку, и поворачивать было поздно. Берега громоздились из ощеренных острыми глыбами неприступных скал. Чтобы хоть как-то пробраться вглубь острова, надо было искать слепые в дождевой пелене трещины и прорехи, достаточно широкие для мужественного и промокшего Маркова тела.

На следующее утро, после того судьбоносного дня в Оливковом зале, королева сказала, что гордится сыном, а король похлопал по спине огромной пятернёй. «Нашёлся, что ответить, весь в отца!» — воскликнул тогда Милан. — «Сведёте шансы сломать шею к минимуму, говоришь? А-ха-ха-ха-ха!». В ответ на похвалу девятилетний Марко важно и без тени сомнения указал родителям на то, что намерен жениться. Королева Брана улыбнулась в то утро. За столько лет её сын своего намерения не осуществил, но и решимости не утратил. Сейчас ему было семнадцать, и за всё это время обещание его крепло, подобно клинку, из огненного жара погружаемого в ледяную воду. Он не торопил события, но шёл к своей цели с упорством безумца, и, чёрт возьми, как распирало и как окрыляло его это безумие!

Поправив ремень сумки на плече, Марко сделал несколько точных прыжков по верхушкам осклизлых глыб и влез в глубокую влажную расселину. Протискиваясь через неё, скрючившись

и прижавшись мокрой спиной к накренившимся стенкам, Марко потревожил летучих мышей, те принялись яростно пищать и в панике биться ему в лицо. Стараясь не обращать внимания на царапанье кожистых крыльев, Марко аккуратно переставлял ноги, тщательно выверяя каждый шаг, чтобы не оступиться. Любое неосторожное движение могло стоить принцу сломанной кости или разодранной мышцы: спрессованные слои известняка торчали из стенок острыми рёбрами — под ногами, спереди, сзади, над головой — и мыши были здесь совершенно некстати.

Расселина стискивалась, выстуженный камень морозил пальцы и спину. Марко вынужден был ползти всё медленнее, ощущая себя помещённым в гроб, и подумывал, может, это тупик и ему следовало бы поискать другой проход к сердцу острова. Очень живо он сейчас понимал, какая чудовищная громада нависла над ним, положив, как насекомое, на одну каменную лапищу и прикрыв другой. Предание говорило о мистическом ордене молчаливых монахов, живших на Грке очень давно. Воинственный князь, приплывший сюда из северных земель Коречи, изгнал орден, объявив остров своей территорией. Монахи повиновались, но перед уходом обошли весь Грк по цепочке друг за другом, со свечами в руках, беззвучно шевеля губами и проклиная каждый камешек, каждое

дерево, каждую пылинку. И если легенды не ввали, ничто не мешало сейчас проклятию монахов похоронить проталкивающегося сквозь узкую щель принца под грудой вековых напластований. Но шум дождя вновь сделался громче, впереди засерел тусклый проём. Трещина настолько сжалась, что Марко двигался уже впритирку к холодным камням — на мгновение он представил, как застрянет здесь навсегда. Сколько он протянет в таком положении? Материнский пирог он благополучно умял, в сумке оставались ещё несколько кусков пршута, но ведь пальцам туда надо было ещё дотянуться. Тогда принц вспомнил, ради чего он здесь, и это придало ему дерзости. Выдохнув и скрутив диафрагму, он рванулся всем телом и выскочил из расселины. Сумка сорвалась с плеча, Марко в последний момент успел ухватить её за ремень и покатился по грязному гравию вниз.

Молния раскроила мутный полог неба наискось, и за этот миг принц успел ухватить глазами раскинувшееся перед ним пространство. Зубья камней щерились под холодным светом, чёрные скелеты деревьев обросли паутиной. Кривая тропка, пролегла меж скал горбом, будто нищенка, тянущаяся за подаянием, и пряталась в глубине острова. Принц поднялся на ноги, поправил сумку, нащупал рукоятку корзинчатого меча на поясе и двинулся вперёд. Тропа змеилась между уродливых

сосновых лап — нагих и мёртвых, как и всё здесь — и забирала круто вверх. То тут, то там среди бесформенных нагромождений Марко начал замечать каменные кладки — куски стен, когда-то стоявших здесь. Странно было сознавать, что в таком месте вообще могло оставаться что-то, созданное рукой человека. Но в то же время локрумский принц чувствовал, насколько естественно и жутко смотрятся останки людских укреплений в объятиях растрескавшихся валунов и разбухших от дождя коряг: в них уже не ощущалось биения жизни — ни дикой, ни упорядоченной — лишь застывший натюрморт, заледеневшее предостережение, оставленное неизвестным безумным художником.

Марко присел рядом с одним из огрызков кладки и провёл рукой по мокрому камню. Если всё, во что он верил и впитывал с самого детства, было правдой, эти стены повидали многое. В разные времена они служили укрытием разным богам, и разные люди топтали горбатую тропку вдоль них, как топтал её сейчас Марко.

Принц осторожно зашагал вверх, вглубь острова, оскальзываясь в шипящих потоках, что неслись навстречу, волоча гравий, щепки и грязь. Морщась и отфыркиваясь от дождя, он смотрел вперёд. Снова полыхнула молния — совсем близко — и там, на вершине холма в центре острова, куда

смотрел Марко, вынырнули из тьмы грузные очертания старой крепости — будто великан, несущий за спиной весь свой скарб, завалился передохнуть. Остров потонул в громовом раскате, и Марко вновь вспомнил тот роковой вечер своего детства...

10

Фейерверки с грохотом рвались в ночном небе над Локрумом. Выворачивались ослепительными бутонами, раскидывали над крышами трескучие звёзды и осыпались в никуда мерцающей бриллиантовой пылью. Локрум шумно, во всю грудь дышал карнавалом.

Резво покончив с формальностями и, по-сыновнему искренне, предоставив родителям отдуваться на скучном приёме, маленький Марко ухватил принцессу Лауру за руку и потащил по улицам города. Вдвоём они шныряли меж тесными локтями и боками зевак, дразнили накидывающихся терновицей мужичков, прятались друг от друга в апельсиновых зарослях, грызли огромные сахарные конфеты на палочках, улюлюкали перед кукольными балаганчиками, и Марко даже попытался вскарабкаться на уличный фонарь, но свалился и отшиб зад о булыжник, под колокольчиковый смех принцессы. Незаметно для

себя самого, он вдруг обрёл совершенно новый смысл этих маленьких удовольствий — таких обычных и не единожды опробованных. Сейчас, когда эта тихая насмешливая девочка, так ловко и аккуратно проскальзывающая сквозь городские толпы в пышном сером платье, была рядом с ним, все куклы, маски, огни, развалы со сладостями вдруг ожили и заискрились, как настоящие чудеса.

На пристани факиры и апсары крутили огонь. Их причудливый кораблик с шитыми из разноцветных лоскутов парусами покачивался на волнах между исполинскими тенями локрумских судов. Факиры специально оживляли пламя около воды: именно тут ночь начинала звенеть и вибрировать в полную силу, ведь её и огня здесь становилось в два раза больше. Последний раз танцующие с пламенем приплывали на Локрум, когда принц был совсем маленьким. Детали размазались по памяти мутными пятнами, но ощущение сказочного восторга осталось.

— Смотри, смотри! — закричал Марко и потащил принцессу сквозь тесную толпу, туда, где плясал в морском воздухе огонь. Темными гибкими призраками факиры скользили под ухающий барабанный пульс, а вокруг них шептали пылающими шлейфами огни и кометы. Они рисовали в чернильном воздухе замысловатые узоры, мерцавшие взъерошенными, пушистыми

языками. Пламя бурлило, трепетало, скакало, скручивалось змеёй и расправляло крылья, взмывало и обрушивалось жаркими локонами — такое тёплое и такое невероятное под ночным небом. Марко и Лаура смотрели во все глаза. Лёгкая, смеющаяся апсара, смуглая, в малюсеньких одеждах с монетками, подбежала к ним, словно сотканная из ночи. Она произвела неувлимый для глаза жест — гибкие змеи пламени в её руках вдруг забились в унисон и слились в горячую бабочку, мерно разгоняющую тьму перед глазами детей ослепительными крыльями. А в следующий миг рядом из темноты оформился факир с двумя горящими палками и лицом, будто слепленным из обжаренных кофейных зёрен. От него пахло маслом. Он растянул в улыбке жемчужный полумесяц зубов и закружил апсару в диком танце. Огонь в их руках возбудился, взвился под камлание барабанов пульсирующими петлями, бесстыдными и чистыми, будто целующими друг друга, и громадный факир вдруг улёгся на тёплые булыжники пристани, а тоненькая апсара изогнулась над ним, откинув голову назад и всё ускоряя вращение огненных полос. И когда уханье барабанов стало бешеным сердцем бегущего в гору, а огонь сделался гудящими колёсами света, факир выдохнул ввысь гигантский, невероятный, точно мифический дракон, рукав пламени, осветив всю

пристань рыжим и жёлтым. Быть может, маленькие принц и принцесса не понимали всех смыслов свершающегося перед их глазами, но эмоции захлестнули детей с головой. Марко восхищённо втянул в себя воздух, не в силах отвести глаз от чуда, и в это мгновение почувствовал, как тоненькие пальчики Лауры сжали его руку. И ему показалось, что он сам сейчас готов полыхнуть огнём.

Когда представление закончилось, факир с лицом как из кофейных зёрен собрал галдящих детишек вокруг себя, угощал сладостями и рассказывал сказки о далёких странах, лежащих к восходу за морем. О странах, из которых приплыл он сам.

— У нас в Кальпурре, — говорил он, — такие гранатовые деревья, что вам тут и не снились.

— У нас тоже растут гранаты! — запальчиво крикнул кто-то из детей. Факир бросил пареньку кубик рахат-лукума и отмахнулся:

— Эй, да разве это гранаты! У нашего граната цветок такой красивый, что в нём может поселиться маленькая пери! А плоды такие огромные, что каждое зёрнышко не помещается на ладонь, — факир растопырил длинные пальцы перед изумлёнными детишками. — Ну, разве что, на мою! А из косточек граната у нас складывают стены, как из кирпича. Один древний раджа, у которого был

самый удивительный фруктовый сад во всей Кальпурре, выстроил себе крепость из гранатовых косточек, высоченную, с множеством залов и лестниц. И в той крепости отбил не одно нападение ванарского войска.

— А кто такие ванары?

— Это племя хвостатых людей с обезьяньими головами. Они живут в джунглях, их тела покрыты короткой шерстью, у них богатые одежды и они ловко прыгают с ветки на ветку. Некоторые видели, как в бою ванара может выдрать из земли целое дерево, со всеми корнями, и лупить им врагов. Выдержать атаку таких ребят — подвиг!

Маленький Марко слушал и ощущал ладошку принцессы в руке. Он думал о том, что когда-нибудь построит корабль — самый большой и прекрасный из всех кораблей на свете — и вместе с Лаурой поплывёт в далёкую Кальпурру, есть исполинские гранаты, сражаться с ванарами — вообще, делать что угодно, лишь бы только с ней.

— Когда в Кальпурре восходит солнце, — продолжал факир, — спящие в росе цветы раскрывают бутоны и начинают тихо-тихо переговариваться. Одни — пёстрые, с оранжевыми лепестками — рассказывают о том, что им приснилось за прошедшую ночь; другие — с лазоревыми лепестками — стараются объяснить смысл этих снов. Если встать рано-рано, на заре, то

можно услышать их шёпот.

— А что снится цветам? — спросила какая-то девчушка.

— Понятия не имею, — развёл большими ладонями факир. — Я по утрам сплю долго, и заставить меня в такую рань слушать разговоры цветов — самая бредовая затея на свете! Ночь — вот моя стихия. Когда вы, детишки, сладко сопите в кроватках, наступает время чудес, открываются тайны, увидеть которые в другое время невозможно...

— И что же происходит в Кальпурре по ночам? — подал голос Марко. Детская болтовня чуть стихла, некоторые из ребят, наконец, заметили, что среди них сидят особы королевских кровей, а некоторым просто до жути хотелось узнать про ночные тайны Кальпурры. Факир для пущего эффекта вылупился, сверкая глазами яблоками, такими же белоснежными на его чёрном лице, что и улыбка, и заговорил:

— Стоит миске луны расплескать свой молочный свет вдоль побережья, где ночные волны тихо лижут песок, как на берег выходят звери: барсы, мантикоры, жирафы, козероги, — бесшумно ступая, они подходят к воде, и каждый из них держит в пасти драгоценный камень, сияющий, точно звезда.

Марко незаметно скосился на Лауру и увидел,

что рот её приоткрыт, и она восторженно ловит каждое слово удивительного факира.

— Повинуясь неведомому зову то ли луны, то ли моря — они встают вдоль берега бок о бок. Издали самоцветы в их пастях кажутся единым сверкающим ожерельем. Будто созвездие Нагини спустилось с ночных небес и опоясало берега своим длинным хвостом. Усталые мореходы, потерявшиеся в тёмных водах, видят эту мерцающую гирлянду огней, сердца их отогреваются от уныния, и они плывут к нашим берегам. И если посмотреть в тот момент на спящий диск земли с высоты полёта птицы, то в кромешной тьме увидишь, как сияют, многоцветно переливаясь, очертания Кальпурры...

— Откуда вы знаете, как оно всё выглядит с такой-то вышотищи? — крикнул мальчишка рядом с рассказчиком. Факир обернулся и грозно насупился, так что парень чуть отпрянул, наткнулся на локти приятелей и замер. Факир несколько мгновений изучал пострела, а потом его брови взлетели вверх, и он развёл руками:

— Очевидно же. Летающий ковёр.

— Вы летали на ковре-самолёте?!

— У каждого в Кальпурре, кто танцует с огнём, есть ковёр-самолёт.

— Почему же вы не прилетели на коврах, а приплыли на лодке?

Факир вдруг выбросил обе ручки вперёд, схватил дерзкого паренька, взлохматил шевелюру и раскатисто расхохотался.

— У вас тут слишком много острых шпилей на крышах, малявка! Летящий ковёр — штука ценная, порвёшь — простую заплату уже не поставишь! В следующий раз прилетим, а ты пока придумай нам удобную площадку для приземления, ха-ха-ха!

— А когда корабли плывут к берегу, на огонь драгоценных камней, — услышал вдруг Марко голосок Лауры, и внутри у него всё затрепетало, — разве волшебные звери не нападают на моряков и не рвут их на части, когда те высаживаются?

Улыбка на кофейном лице чуть погасла. Факир продолжал улыбаться, но уже не обнажал крупных белых зубов. Он долго и пристально смотрел на принцессу Млена, не произнося ни слова. Вокруг всё смолкло, угомонились дети, затихли фейерверки в небе, только урчал огонь в масляных чашах.

— Всякое бывает, — вымолвил факир.

...А потом, когда карнавальная ночь замерла, Марко с Лаурой забрались на крышу какого-то дома рядом с крепостной стеной, разлеглись на черепице и долго смотрели на звёзды. Марко видел, как прямо над головой, в настежь распахнутом, пышущем ночной свежестью небосводе, змеится,

купаюсь в мерцании крохотных солнц и переливах туманностей, длинное созвездие Нагини, которое здесь, на Перишельских островах, моряки зовут Щупальцем.

— А вдруг, небо — это тоже океан, — сказала Лаура, не отрываясь, глядя в вышину. — И там, на другом берегу, собрались сказочные звери, каждый с камнем во рту, и они ждут нас, зовут погладить их гривы и посмотреть на их чудеса... И нам нужно только придумать, как доплыть до них...

Марко долго молчал, слушая, как затихает в его голове колокольчиковый голос принцессы. И потом сказал:

— Мы найдём способ. Обещаю тебе. Когда-нибудь мы доплывём туда.

Он почувствовал, как мягкие кудряшки коснулись лица, и Лаура поцеловала его в щёку.

11

Даже сейчас, спустя восемь лет, под пронизывающими ливнями Грка, он горел на щеке принца сладким бутоном — тот детский поцелуй, такой застенчивый, но такой главный. Марко вскарабкался на извивающийся вдоль тропы сосновый ствол, обходя мутный поток дождевой воды, грязи и мусора. Даже мокрые ветки своими оплеухами не способны были вывести с лица Марко

нежного поцелуя маленькой Лауры. Принц прополз по скрюченной, точно кикимора, сосне и перепрыгнул на расколотую каменную болвашку. Это был обломок одного из опорных столбов, когда-то державших аркаду с акведуком на подступах к крепости. Несколько таких столбов уцелели и белёсыми перстами подземных исполинов, рвущихся на волю, торчали впереди по обеим сторонам тропки. Они были всем, что осталось от акведука, а вода теперь бежала не над ними, а грязными ручьями шипела у оснований. Тропка здесь, ближе к крепости, была выложена булыжниками. Промеж круглых камней вздулись напряжёнными венами корневища деревьев и пролегли поперёк тропы. Аккуратно ступая по корням, как по ступеням, Марко приближался к очертаниям крепости, нависшей над ним точно огромный разорённый муравейник. Обглодки опорных столбов мёртвыми привратниками пропускали принца. Марко различал на их плоских каменных боках какие-то фрески, полустёртые временем и водой. Поверх одних — о казнях, посланных древними богами, — ложились другие, изображавшие покойные кипарисовые рощи с кроткими девами и единорогами, а на них наслаивались совсем новые, о славных морских сражениях и пиратских вылазках; но даже эти выцвели и размылись. Всё здесь было лишь эхом

прошлого. В слоющихся рисунках, в напластовании времён, Марко вдруг ощутил предостережение, которое пытались ему внушить немые колонны: и ты, принц Локрума, забравшийся на проклятый остров, так же сгинешь, канешь в прошлое. И кто-то нарисует тебя на каменном столбе поверх предыдущих, и эта картинка будет единственным, что от тебя останется, но и её сожрут века и промозглая сырость. Хотя кто теперь будет рисовать здесь, на обломках? Пришедший исчезнет, не оставив ни следа, ни памяти. Марко упрямо ухмыльнулся и отбросил прилипшие волосы со лба. Он доберётся. Он победит. Наперекор стихиям и проклятиям.

Разномастные башенки — истерзанные молниями, громоздкие, ссутулившиеся, простывшие, с ввалившимися шатрами, а то и вовсе без шатров — торчали из крепости, как опята из пня.

Марко вступил под крепостные стены и услышал, как неистово грызут гулкой камень потоки дождя. Летучие мыши беспокойно шумели под кромешными сводами. Молодые сосны вспучили гранитные плиты и проросли прямо здесь, внутри. Принц отломил ветку посуше, вытащил из сумки просмолённую тряпку и кремень, припасённые заранее, и туго намотал тряпицу на палку. Хоть старая крепость давно перестала быть

герметичным сооружением, света здесь не хватало, даже если дать привыкнуть глазам. Факел вспыхнул и Марко огляделся.

Справа и слева взбегали к башням грузные лестницы, беззубо скалились обломки перил и штукатурки. Громадная крепостная стена с одного края была разворочена, обнажая кусок внешнего мира: чёрный сосняк на противоположном склоне острова, а за ним пасмурное море под рыдающими клубами туч. Остатки внутреннего убранства крепости казались декорациями разорившегося театра, которые выбросили на помойку и оставили гнить. Через проломы и трещины просачивалась вода и стекала по закисшему камню, по плесневелым бронзовым канделябрам, в некоторых из которых ещё торчали лучины и огарки свечей. Повсюду валялись бесформенные кучи гнилья, в них с трудом можно было узнать дорогую, вычурную мебель, свозимую когда-то пиратами со всех концов света, и сундуки контрабандных богатств. Огромные золотые блюда, тяжёлые ткани, узорчатые доспехи, бутылки с кальпуррскими пряностями, изящные вилки для фруктов и флаконы выдохшихся духов — всё это потускнело, истлело, проржавело, рассыпалось и лежало теперь в беспорядке по сумрачным залам и коридорам. Как-то ещё мальцами Марко с Эриком забрались на чердак одного старого домишки в рыбацком

квартале. С лампой в руках, вспугивая тучи феерической моли, они копались в горах древнего ненужного хлама. Рухлядь казалась в воспоминаниях Марко такой живописной, такой интересной, они рылись в ней часами, и за каждой найденной вещью воображение рисовало целую историю. Сейчас захламлённые залы крепости напомнили было Марко тот чердак, но тут же принц понял, что всё наоборот: свалка на чердаке детства была живой; эти же завалы баснословного тлена — мёртвыми. Да, в них тоже была погребена история. Но веяло от них конечностью и небытием. Как и от всего на этом острове.

Марко поднял факел высоко над головой, так что затрещали свисающие сверху ключья тенета — и паучьё сыпануло по арочным сводам во все стороны. В дрожащем оранжево-синем полумраке он старался разглядеть и уложить в голове последовательность лестниц и башен, чтобы понять, куда ему идти дальше. Подумать только, он забрался в такое жуткое место, руководствуясь лишь сказками, суевериями да старой, невесть кем намалёванной картой Эпиотики, доверять которой стоило так же, как сказкам и суевериям. Он шёл, плыл, карабкался наобум, все эти восемь лет, дав свою детскую клятву, пытливо и упрямо, не отступая ни на шаг и на каждом шагу рискуя, наполняя паруса удачей, а лёгкие — сладким

безрассудством. Не так давно он узнал о новом поветрии среди молодых локрумских аристократов, именуемом «чрескольжение» и придуманном на континенте поэтом-затворником Владисом Зилантием. Суть поветрия заключалась в том, что неудачи преследуют лишь тех, кто пыжится, напрягается и скрупулезно выстраивает далеко идущие планы. Занудство и скука смертная притягивают невезуху как магнит, учило «чрескольжение». И лишь тому, кто отпускает судьбу, кто не пытается контролировать свои тесные мирки, а просто бежит себе по велению души, наслаждаясь бодростью и свободой, — успех сам кидается в руки, и всё удаётся само собой. Марко семантика поэта Зилантия оказалась близка, потому что подобна была морскому ветру. Фортуна покровительствует дерзким и беспечным. Просчитывать нюансы далёких путешествий — удел скучных купцов, которых всё равно в любой момент может разнести в щепы лютая морская стихия. Тебе — отважному принцу Локрума — древних легенд и старческих баек вполне достаточно для ориентира, если ты привык смеяться в лицо опасностям. И шторма, и молнии, и проклятья в страхе обращаются в бегство, лишь учув такую отвагу!

Он осторожно поднимался по влажным брускам ступеней, стараясь держаться ближе к

стене, чтобы не свалиться — перила давным-давно обратились в труху. Поднятым факелом Марко аккуратно поджигал уцелевшие в канделябрах свечи, одну за другой, по цепочке, наполняя мёртвую крепость каплями таинственного света. Мелко дрожащие тени от куч хлама, опорных балок и лестниц заметались по сводам — и вместе с долбящим снаружи дождём казалось, будто крепость закашлялась. Принц забирался всё выше и выше, и, похоже, его расчёт оказался верен: выбранная лестница вела в многоярусную четырёхугольную башню, самую большую, центральную башню крепости. Правда, не было никаких оснований полагать, что именно здесь ждала Марко цель его странствия. Но принц Локрума положился на пьянящее чувство риска и просто скользил по волнам судьбы, как учило «чрескольжение». Ещё несколько ступеней, и Марко выбрался в широкий зал с грубым дощатым полом под пирамидой черепичного шатра. Центральная башня была огромной и совсем не потрёпанной стихиями, отчего здесь было довольно сухо и пыльно. Низкий зал башни был тёмн и хмур — лишь в лестничный проём да в щели между досками пола проникали снизу ниточки света, зажжённого Марко, — и всюду громоздились неясные очертания. Марко всмотрелся в темноту. Сердце его сжалось и быстро-быстро застучало, как

перед коробкой с подарком на день рождения. Когда ещё не знаешь, что там, но по телу уже струится радость тайны, радость предвкушения, радость догадки... Принц вглядывался в тени и уже знал, чувствовал кожей, как чувствовал сейчас прилипшую к телу рубаху, что «чрескольжение» не подвело. В темноте, среди грузных форм и силуэтов тускло сияла одинокая звёздочка — мягким голубоватым светом. Марко аккуратно приблизился, разгоняя факелом сумрак, и увидел, что очертания вокруг были скульптурами. Тяжёлыми, но невероятно искусными статуями воинов, охотниц, танцовщиц, диких зверей и мифических тварей. Отблески Маркова факела плясали по напряжённым каменным мускулам, стремительным изгибам шей, спин и ягодиц, косматым гривам и оскаленным пастьям. Прямо перед принцем стояло на возвышении громадное чудовище чёрного гранита, облупленное и побитое временем, похожее то ли на волка, то ли на льва — со скорпионьим хвостом. Марко знал, это была мантикора, бестия, часто описываемая в старых книгах путешественниками из-за моря. Принц понятия не имел, изваял ли скульптор эту пугающую тварь после личной встречи со зверем, или же призвал на помощь фантазию — в любом случае, взволновало Марко сейчас совсем другое. Взволновало так сильно, что сердце готово было

выпрыгнуть из груди: в гранитной пасти мантикоры был зажат искристый, прозрачный камень, испускающий волны ровного, чистого, голубого сияния. Тот самый. Тот самый!

12

Маленькая Лаура стала частой гостьей на Локруме. Эрик поначалу не обрадовался, что Марко пропадает целыми днями с девчонкой, но чтобы хоть как-то отвоевать время друга, с ворчанием был вынужден принять принцессу Млена в их компанию. Однажды Петар, главный рыбак королевства, взял детишек на рассвете в море. Марко до этого уже плавал с отцом Эрика, но вот Лаура была на рыболовном судне впервые, поэтому все очень переживали и нервничали.

Приземистая перишельская шхуна Петара звалась «Пеламидой» — для привлечения несметного улова — но своими пузатыми обводами, крытою толстыми досками палубой, косыми парусами-юбками напоминала тётку Бажену, которой отец Эрика всё никак не решался сделать предложение. Судно пахло смолой и рыбой, мужички в ярких кушаках и красных шапочках сновали туда-сюда, распевали песни, смешно и неприлично охали, тягая из воды кошельковый невод, раздутый и шевелящийся от рыбин. Петар,

тоже в красной шапочке, то стоял на верхнем мостике, попыхивая трубкой, то тянул невод вместе со всеми, то бродил по-деловому, ворчливо роня распоряжения. Дети крутились рядом, глядя как в трюмы жирным, лоснящимся потоком устремляется форель, скумбрия, тунец, рукастые крабы и усатые лангусты, сверкая на солнце чешуёй и панцирями. Эрик подошёл слишком близко, разглядывая кишашую кучу малу, и маленький краб вдруг вылетел из общей струи, ударившись о доски, как выскакивает во время горного обвала шальной камешек, и угодил ему прямо в физиономию, зацепился и повис клешней на ноздре. Эрик заверещал, Лаура хихикнула в кулачок. Марко некоторое время натужно пыхтел, стараясь не расхохотаться, и отдира л клешню от Эрикова носа, потом ухватил крабика за панцирь и перевернул кверху брюхом, держа на ладонях, как на блюдце. Ребята склонились над ним: Эрик — с ненавистью, размазывая по лицу предательские слёзы и растирая распухший нос; Лаура — с тихим, но жадным любопытством. Марко тоже наклонил голову, так что почти зарылся лицом в светлые кудри принцессы. Это был голубой краб. Он причудливо шевелил в воздухе колючими конечностями, будто рисовал магические пентакли, открывая ворота в потустороннее.

— У, гадина! — промышчал Эрик, показывая

крабу кулак.

— Хорошенький, — улыбалась Лаура. —
Смотри, он что-то пытается сказать нам...

— Как там живётся, на морском дне? —
предположил Марко.

— Лучше бы он сейчас просил прощения! —
ворчал Эрик. — Ну-ка, дай его сюда!

Он выхватил краба из рук принца и бросил на палубу. Ковыляя переливчатыми конечностями, тот беспорядочно захромал по доскам, пытаясь сообразить, в какую сторону правильнее выбираться из этой передраги.

— Ты чего задумал? — настороженно спросил Марко.

— Пну его! — рявкнул Эрик, разбегаясь.

— Завязывай, это ж просто маленький голубой краб!

— Не тебе нос прищемили, ваше высочество! — Эрик прицелился и отвесил крабику злобного пенделя, так, чтобы тот врезался в фальшборт и отскочил назад, в объятия сладкой Эриковой мести. Но расчет вышел неточным — краб взмыл по дуге, беспомощно махнув лазурными клешнями, и улетел за борт.

— Тьфу ты, ушёл, гад!

— Чего ты ещё от него хотел? — всплеснул руками Марко.

— Он бы у меня сполна отхватил!

— Теперь он приведёт целое полчище голубых крабов, — хихикнула принцесса. — И одним носом ты не отделаешься!

— Угу, смешно... — пробурчал Эрик. Он ещё очень стеснялся Лауры. А Марко ощутил приятное щекотание внизу живота: почему-то ему жутко нравилось слышать издёвки маленькой принцессы — неважно, были ли они направлены на него самого или на других. Словно бы эта девчушка своими тихими колкостями испытывала на прочность стереотипы, провоцировала, дразнила, пыталась перевернуть тебя с ног на голову — и потом с интересом наблюдала, как ты выкрутишься. Это ощущение неловкости возбуждало в душе маленького принца невероятное блаженство, и он готов был купаться в нём целую вечность. А вот Эрик, похоже, чувствовал себя не в своей тарелке. Он поджал губы и ожёг принца взглядом, говорящим что-то вроде: «И нет бы заступиться за друга, а он только улыбается!»

— Эгей, смотри! — крикнул кто-то из рыбаков. — Дельфины, дельфины!

Детишки рванули к борту, вцепились в планширь и перегнулись наружу. Окунувшись в морскую синь, утреннее солнце вынырнуло, разбросав в волнах мелкие сверкающие драгоценности, и теперь парило над простором, чистое и умытое. Бокастая «Пелагида», как сквозь

дрёму, скользила в море солнечных бликов и отражений, будто шла по звёздному небу. А рядом, прямо вдоль тяжёлого обвода, широкими пенными стежками летела стая дельфинов. Их гладкие тела легко взмывали над водой, нежась в потоках света и тучах сияющих брызг, а потом задорно ухали в морскую толщу и неслись там, в глубине, таинственными дрожащими тенями, чтобы затем снова вынырнуть и взлететь, почти к самому солнцу. Дети зачарованно смотрели на этот волшебный полёт — над морем и под ним, а Петар добродушно хмыкнул в бороду:

— Дельфины — хорошая примета. Может быть, нам ещё повезёт увидеть гиппокампов.

— Морских коней? — быстро спросила Лаура, и в голосе её чувствовалось лёгкое возбуждение.

— Их самых, ваше высочество, — подмигнул Петар, щегольски перекидывая трубочку губами на другую сторону. — Тогда уж мы точно вернёмся с богатым уловом!

— Я думала, морские кони обитают только в дальних странах! — Лаура обернулась к принцу, и глаза её ярко горели. — Ты же помнишь, что нам рассказывал тот здоровый факир на празднике? Про мифических зверей с драгоценными камнями во рту!

Марко кивнул, глядя на принцессу во все глаза, и маленькое сердце его сладко щемило. Она

была абсолютно удивительной. Такая сдержанная и насмешливая с людьми, она вся вспыхивала и расцветала, лишь только речь заходила о всевозможных сказочных тварях. Словно бы в принцессе, в её серых дышащих глазах, открывалась какая-то новая глубина, от которой у Марко захватывало дух.

— Нет, принцесса, в здешних водах животные свободные, — сказал Петар, махнув рукой. — Они не хранят никаких камней и тому подобных причиндалов. Гиппокампы завсегда пасутся среди кораллов, и чем ярче риф, чем населённей он всякой подводной живностью, тем больше вольных морских жеребцов он привлекает. Мы скоро как раз будем проплывать такой.

Петар посмотрел на принцессу Млена, которая ловила каждое его слово, и, похоже, начал входить во вкус. Он накрутил ус и сказал:

— Но коли уж вашему высочеству любопытны самоцветы в пастях, слышал я тут одну историю от бывалых людей...

Принцесса вся обратилась в слух. Эрик соорил кислую мину «опять эти отцовские байки» и хмуро уставился на дельфинов. Марко же смотрел, как свежее солнце, забираясь всё выше, зажигает в локонах Лауры дымчатые золотые всполохи. А Петар сощурил глаза и указал вдаль, где по самому окоёму расползлось неясное тёмное

марево, будто родимое пятно на небе.

— Знаете, что это там такое?

— Конечно! Там Грк. Порченный остров. Никто никогда не плавает туда, — губки Лауры чуть скривились. — Мне так кажется, что мужчины просто трусы.

— Ну уж, скажете, — крикнул Петар. — Да, большинство моряков не суются на Грк, после того, как изгнанные монахи прокляли его. Но не таков был Руфус Жемчужная Борода, капитан пиратского галеона и отважный малый!

— Руфус Жемчужная Борода?

— О да! В знак каждой славной победы на море он вплетал себе в бороду по жемчужине. А побед он одержал немало! Ведь за ним гонялись все кому не лень — и нюктианцы, и флоты Перишельских королевств, а за голову его была назначена такая награда, что в миг бы сделала получившего её богаче любого правителя! Но никто не мог достать ретивого капитана.

— Не слыхал о таком, — пожал плечами Марко.

— И я, — подтвердила Лаура.

— Это потому, детки, что ваши королевские летописцы умалчивают о тех событиях, ведь никто Руфуса так и не одолел: ни Локрум, ни Млен, ни Букор, ни какая другая Перишельская твердыня... Капитан Жемчужная Борода был игрок. Он всегда

плясал на острие клинка, риск давал ему силы и какую-то дьявольскую удачу. Чем больше Руфус дразнил судьбу, тем шире судьба ему улыбалась.

— Папань, ты вроде хотел рассказать про Грк, — перебил его Эрик скептически. — Что-то там такое, чего мы не знаем.

— Ну-ка цыц, сын! — нахмурил брови Петар и тюкнул его трубочкой по макушке. — Я как раз перехожу! Секрет неуловимости Руфуса во многом лежал на том проклятом острове. Наплевав на суеверия, он взял да и устроил на Грке пиратское логово, и принялся свозить туда все свои бесчисленные трофеи с разных концов света. Драгоценности, оружие, пряности, невиданных зверушек, всякую бесовскую экзотику... Брошенный монастырь на самом высоком холме острова он перестроил в крепость, хотя никто даже сунуться туда за ним не посмел бы! Боялись все! Думали, сгубит Грк Жемчужную Бороду. Сгноит — рано или поздно. Так и вышло. Прослышал Жемчужная Борода, что к восходу за Эпиотикой, в подземельях, укутанных дремучими джунглями, спрятан самый большой драгоценный камень в мире — сапфир Радамант. И охраняет тот камень неусыпно уже многие века племя полулюдей-полуобезьян.

— Ванар? — живо подсказал Марко.

— Ванар, ванар, — важно покивал Петар. — Но разве ж это удержало бы капитана Руфуса! Не

мог Жемчужная Борода смириться с мыслью, что такая вещь принадлежит не ему, а прозябает в каких-то там катакомбах на краю земли. Он снарядил одиннадцать кораблей — несчастливое число для мореходов, но Руфус плевал в лицо суевериям. Одиннадцать боевых кораблей, четыре галеона и семь фрегатов, напичканных пушками и головорезами, как бочка солёными грибами! И на каждый борт он взял по одиннадцать красавиц — совсем плохой знак! Женщина на корабле — жди бе...

Рыбак осёкся.

— Продолжайте, Петар, продолжайте, — процедила маленькая Лаура.

— Речь, разумеется, о военных кораблях, ваше высочество, — глуповато ухмыльнулся тот и развёл руками. — Я на своём судне никаких предрассудков не питаю. И дома, на суше, тоже! Сами видите, вон, пареньки-то как славно ладят — мой и короля! Какие уж тут предрассудки!

— Конечно, конечно, — леденяще улыбнулась девочка.

— А зачем же он так неосмотрительно? — ввернул Марко, чтобы разрядить обстановку.

— Игрок он был, капитан Жемчужная Борода, говорю же вам. Игрок! Над суевериями смеялся. Специально поступал так, чтобы все дурные знамения нарочно на себя понавести. Показать, что

они ему нипочем. Как будто бы он старался затолкать их судьбе в пасть, чтобы она опешила и подавилась своими неудачами. И ему удавалось. До поры, до времени. Напор, задор, нахальство. Люди считали его неуязвимым — и для пушек королевских флотов, и для штормов с бурями, и для ударов провидения. Руфус пересёк Эпиотическое море, удрал от левиафана, преодолел Плавучие сады и нашёл те руины в джунглях, где берётся синий камень Радамант. Сапфир тот был вложен в пасть жуткой статуи-манतिकоры. Перед смертью поверженный вождь ванар, охранявших сапфир, — старый такой, седой обезьянин — сказал пирату, что любой, вытащивший камень из пасти статуи, умрёт. И нечто вдруг так напугало Руфуса Жемчужную Бороду, что поверил он волосатому вождю. Но оставить сапфир после таких мучений не позволяла пиратская гордость. Потому он выломал статую целиком — а она тяжеленная была, здоровая, из чёрного гранита — и на тросах погрузил на корабль, не потревожив Радамант в пасти чудища. Привёз на Грк и водрузил в самой большой башне крепости. Говорят, гранитная мантикора до сих пор там стоит, и если кто осмелится проплыть близко к дьявольскому острову, тот сможет увидеть сквозь пелену ливня синеватые проблески Радаманта на верхнем ярусе башни...

— А с Руфусом что случилось? — спросил Марко, которому начинал нравится этот бесшабашный пират. — Удача так и не изменила ему?

— Эх, принц, удача всем изменяет, рано или поздно. Помер капитан Жемчужная Борода. Смерть, нелепей и не придумаешь. Напился раз ночью со всей своею шумной командой, вышел на верхнюю палубу свежего бриза глотнуть, да не устоял на ногах, кувыркнулся за борт, башкой вниз, и пошёл ко дну. Разгильдяи-матросы только на утро пропажу капитана обнаружили.

— Думаешь, это остров его сгубил? — подал голос Эрик.

— Кто знает, сынок... Монахи сильное проклятье наплели. Даже такая непробиваемая удача, как у Жемчужной Бороды, могла трещину дать. Пусть не сразу, да прохудилась.

— Дядя Петар, — послышался голосок Лауры, которая, похоже, и думать забыла о неуклюжем пассаже про женщину на борту, и вновь вся погрузилась в историю, — а мантикора с сапфиром и правда сейчас стоит на острове?

— Откуда ж мне знать! — развёл руками рыбак. — Говорят!

— Кто же говорит, коли никто и близко туда не подплывает? — усмехнулся Эрик.

— Да находятся время от времени смельчаки.

Одних уж нет, сгнули в тех гиблых водах. А кто выкарабкался — рассказывают. Посвёркивает, говорят, Радамант в крепости Жемчужной Бороды. Сквозь тучи и грозы. Нет-нет, да мигнёт в пелене синенькая звёздочка.

— Вот бы увидеть эту звёздочку, — тихонько прошептала Лаура, подперев щёку кулачком.

Марко молчал, и в голове его неслись хороводом небывалые мысли. А вдруг этот камень и правда там? Так ли страшен Грк, как о нём говорят? И какой лихой был этот Руфус! До чего хочется так же оседлать судьбу и заставить её дуть в твои паруса! И какая она неземная — принцесса Лаура с острова Млен...

И в то утро на борту «Пелакиды» в жизни маленького принца загорелась новая цель, осенённая горячим чувством. Цель, к которой принц будет неусыпно идти следующие восемь лет, изучая книги, стариковские байки, морское дело и фехтование корзинчатым мечом. Цель, манящая и зовущая к себе, сияющая в его восторженных снах чистым синим светом.

13

И вот она, его цель. В двух шагах — мерцающая, напоённая волшебством и счастьем свершений. Сапфир Радамант, самый большой в

мире, именно такой, как в старых легендах, но сейчас он здесь, наяву, прямо перед ним! Марко усилием воли подавил желание завопить и броситься вскачь от щенячьего восторга. Будто не все семнадцать ему, а снова девять, как тогда. Сладко щекотало в животе. Наверное, Жемчужная Борода часто испытывал подобные ощущения — именно они вели его от одного приключения к другому, из каждого выводя победителем. «Чрескольное» существует! Какой был шанс, что рыбацкие сказки окажутся правдой? Какова вероятность, что на Грке принц разыщет хоть что-то кроме обломков скал и гниющего хлама? Но всякие вероятности в смятении отступили перед его блистательной волей. Удача сопутствует дерзким. Фортуна целует беспечных. Море расступается перед лихими. Марко подошёл к Радаманту близко-близко. Его факел вспыхнул в гранях сапфира тысячью огоньков и рассыпал по каменной морде голубые трепетные блики. Радамант сиял и лучился, плотно зажатый четырьмя гранитными клыками в искажённой от злобы пасти. Словно во сне, Марко медленно протянул пальцы и прикоснулся к этой прозрачной, застывшей капле воды, и ощутил подушечками тихое, тёплое гудение. Он вздрогнул от неожиданности, но пальцев не оторвал, зачарованный живостью сапфира. Камень мягко трепетал под пальцами,

точно кошачий живот, одновременно убаюкивая и распаляя воображение. Это был не просто огромный сапфир. Принц видел драгоценные камни много раз, он даже пару раз играл ими, тайком пробираясь в сокровищницу отца, как играют другие мальчишки стеклянными шариками. Они были красивыми, лучистыми, даже чуть тёплыми в ладони — но ни один из них не был таким живым. Ни один из них не урчал, как котёнок; не окутывал рассудок тёплой молочной пеленой, как дремотный человек из сказок, что приходит к малышам перед сном с волшебными зонтиками.

Марко тряхнул головой, прогоняя морок. Немудрено, что капитан Жемчужная Борода пожелал всенепременно завладеть Радамантом! Только отчего заробел он тронуть сам камень и притащил его сюда вместе с громоздкой, тяжелой оправой? Может, ему приглянулась сама статуя мантикоры? Вряд ли. Хоть чёрный гранит и почитался благородным материалом и в природе был редок, скульптура была уродлива. Что такого сказал ему поверженный обезьяний вождь? И с чего это Руфус Жемчужная Борода, привыкший со смехом плевать в лицо суевериям, вдруг прислушался к словам старого ванары? Принц огляделся по сторонам. Рядом, по правую руку, высилось в полумраке изваяние охотника. Изогнувшись в пол-оборота, тот поражал копьём

дикую свинью, вставшую на дыбы у его ног; однако занесённая рука человека была пуста: копьё то ли просто подразумевалось фантазией ваятеля, то ли было бесцеремонно выдернуто пиратами. Так или иначе, пальцы, сжимающие воображаемое древко, были все целёхоньки. Подтянувшись на носочках, Марко вложил факел статуе в горсть. Отошёл на несколько шагов назад и рассмеялся: теперь казалось, это не охотник, замахнувшийся оружием на зверя, а романтический герой с пылающим светочем в руке ведёт неразумную животину за собой из мрака дикости к свету цивилизации. Ученье — свет, говорил он свинье, а неученье — тьма. От смеха принц снова ощутил прилив бодрого непокорства. Охотник-просветитель озарял зал со скульптурами, руки Марко теперь были свободны. Он выволок из ножен клинок и снова взглянул на мерцающий сапфир, примеряясь. Сердце колотилось. Кажется, Марко понял, почему удача, в конце концов, изменила Руфусу. Беда с пиратом приключилась оттого, что он сам изменил — изменил принципам «чрескользяния». Засомневался, задумался. Дал слабину, поверил бормотаниям старой обезьяны. А та-то, глядишь, специально наговорила капитану всякой чертовщины, чтобы потушить задор, прохудить лихое пиратское везение! Марко взвесил меч в руке, а пальцем другой провёл по краю сапфира —

в том месте, где его сжимали чёрные клыки. Снова ощутил кошачье урчание в синей глубине Радаманта. Нет, сегодня он совершит то, на что Жемчужной Бороде не хватило отваги. Сегодня он докажет, что его кишки даже толще, чем у грозного пирата, хоть к своим семнадцати Марко и жука не раздавил. Он не предаст идеалов «чрескользя» и не впадёт в постыдную трусость, прикрываемую рассудительностью! Марко перехватил меч обратным хватом, замахнулся и аккуратно вогнал тонкий клинок в щель между сапфиром и нижней челюстью статуи. Камень издал чуть слышную низкую ноту, и в его синей бездне словно встрепенулись дымчатые сияния. Марко мягко надавил на меч. Клинок слегка изогнулся, но сапфир остался на месте. Принц надавил сильнее, заскрипели частички слюды в чёрном граните. Внезапно синий камень — или померещилось? — вздрогнул. Марко резко дёрнул рукоять меча вниз, и Радамант еле заметно заелозил в оскале чёрной громадины! Принц облизал пересохшие губы. Сердце колотилось так, что казалось, эхо его гуляет по стенам башни. Он выдернул клинок и подковырнул сапфир с другой стороны. Гранитные клыки крепко стискивали драгоценность, поэтому Марко перевернул меч и несколько раз стукнул тяжёлым набалдашником рукояти. Один из клыков хрустнул и откололся. Принц опять ковырнул

гранитную челюсть, как зубной врач, поддевая сапфир лезвием — теперь меч вошёл гораздо глубже — и снова надавил. Гулко щёлкнуло. Сапфир выскочил, сверкнул в сумраке падающей звездой, поскакал по дощатому полу и остановился у пьедестала с лукавой плясуньей, разбрызгивая вокруг голубые дрожащие пятна.

Марко вбросил меч в ножны и медленно двинулся к мерцающей драгоценности. Он всё сделал по «чрескользянию». Удача сопутствует дерзким. Сейчас он поднимет самый большой сапфир в мире, по имени Радамант, и отвезёт его через море своей возлюбленной. Символ его всепобеждающих чувств. Он нагнулся, протянул руку и заметил, что ощущает вибрации сапфира даже по воздуху, не прикасаясь к нему. Он вгляделся в глубокое сияние. Все тело пронизывало это тихое, гулкое дрожание. Или... вибрировал не камень? Марко сощурился. Что-то здесь было не так. Пыль на полу чуть вздыбилась и зависла над досками колышущейся вуалью. Дрожал не сапфир. Дрожало что-то другое. Сзади послышался треск, будто осыпался гравий или ломалась ледяная корка. Марко обернулся. В неровном свете факела безобразную мантикору прямо на глазах съедала сетка мелких трещинок. Трещинки бежали по гранитному телу чудовища, словно полчища муравьёв, облепляя целиком. Казалось, что

поверхность шевелится.

Марко сглотнул и чуть согнул ноги в коленях. «Что-то будет», — пронеслось в голове.

Статую разорвало с оглушительным грохотом, сыпануло каменной крошкой и обломками. Марко скакнул в сторону, прикрывая голову, кувыркнулся по занозистым доскам и вдруг почувствовал, как вместе с разлетевшимися камешками его обдало волной горячей, тяжёлой вони: запахом псины и застарелого дерьма. Он вскочил, отряхивая кусочки камня, и поднял глаза. Там, в туче пыли громоздилась чёрная тень. Её контуры — такие же, как были у расколовшейся статуи — мерно вздымались и опадали. Пыль оседала вокруг, возвращая видимость, словно перед принцем протирали запотевшее стекло. И чернеющая на пьедестале тень обретала детали: мускулистые лапы, свалывшийся толстый мех, всклокоченная грива, два вспыхнувших посреди этой черноты глаза... Тень была живой. Живой, злой, губительной. Древний зверь, спавший в камне страшно подумать с каких времён, пробудился и теперь глядел на глупца, потревожившего его сон, холодно и беспощадно. Морда зверя казалась практически человеческой: её можно было принять за щетинистое лицо бродяги или уличного бандита, загрубевшее от потасовок, погоды и бесконечной выпивки — если бы не рассечённые узким зрачком

жёлтые глаза и глубокий разрез пасти, от уха до уха. Чудовище потянулось, как исполинский кот, раскорячив крючьями когти, прильнуло мордой к передним лапам и выгнуло зад с огромным, жутко закрученным, как у скорпиона, хвостом.

Марко попятился, схватился за рукоять меча, ища уверенности. Зверь сморгнул и лениво повёл головой, словно бы разминая затёкшую шею. Мягко переступил лапами и спрыгнул с пьедестала. Он смотрел на Марко. Только на Марко. И под этим взглядом всякая уверенность из принца испарялась, словно капля с раскалённой сковороды. Принц не раз видел пьяниц на Локруме. Чаще это были люди не до конца отчаявшиеся, лишь побитые судьбой. С грустными одутловатыми лицами, они всё же старались жить дальше. В рыбацком квартале, где жил Эрик с отцом, таких ребят не изгоняли из общества и не сторонились. Они, как могли, продолжали работать, и поэтому им сочувствовали и помогали держаться. Но были и совсем пропащие. Мужики сдавшиеся и надломленные. Вместо созидания и приращения жизни вокруг себя они выбрали путь распада и свалки. В их домах день за днём громоздился мусор, который постепенно выпирал и себя, и своего хозяина наружу, в закоулки и подворотни, загаживая всё вокруг. Терновица убивала в них всякое стремление, а лица их делала рыхлыми, налитыми обидой и злобой.

Именно такое лицо смотрело сейчас на принца из неуместного обрамления звериной гривы. Чёрные космы чудовища сваялись в колтуны, в них запутались ржавые погнутые наконечники невесть кем и когда пущенных стрел. Морду мантикоры распахали глубокие белёсые шрамы. Зверь растопырил ноздри и шумно втянул пыльный воздух, вздыбливаясь и по-кошачьи выгибая спину. Раскрылась пасть, обнажая тесные, как частокол, зубы, среди которых — три громадных клыка, два сверху и один снизу. Принца ударил рвущий нутро звук, словно оркестр скверных трубачей одновременно дунул в свои инструменты. И в ужасе Марко услышал, что эта ревущая какофония была речью. Как будто трубачи выдували не «тру-ту-ту!», а осмысленные, человеческие слова. Жуткая тварь с голосом бездарного оркестра была разумной. И Марко разобрал те слова, что проревел зверь.

«Ты — враг». Марко оцепенел, прикованный взглядом к тошнотворному лицу твари. Ты враг, говорило ему это лицо фальшивым хором медных труб. На Локруме изгои в любом нормальном человеке видели врага. Особенно в человеке знатном. Особенно в принце. *«Ты враг, — ревела ожившая статуя. — Тебе здесь не место, и я ненавижу таких, как ты. Поэтому ты сдохнешь. Я хочу, чтобы ты сдох. Прямо сейчас и прямо здесь.»*

Я так хочу. Я ненавижу тебя. Ты — враг, и ты должен исчезнуть. Сгинуть. Сгнуть. Сдохнуть. Порву тебя. Сломаю тебя. Потому что я так хочу. Потому что ты — враг».

Принца трясло. Мысли беспорядочно плясали в голове, и он не мог зацепиться ни за одну из них. Он вскинул растопыренные руки перед собой.

— Никакой я не враг! — крикнул он зверю. — Я не желаю тебе зла, слышишь? Я лишь пришёл за...

Его слабый крик потонул в трубном многоголосом рёве.

— *Вы всегда приходите и берёте то, что хотите. Таким, как ты, плевать. Плевать на всех, кроме себя. Такие, как ты — враги. И ты — враг. Я порву тебя. Сломаю. Я сожру твои кишки. Я голоден. Таким, как ты, этого не понять. Таким, как ты, всегда сытно и сладко. А я всегда голоден. Поэтому я порву и съем твои внутренности. Я хочу есть их. Рвать их. Я хочу, чтобы тебя не стало и больше не было никогда.*

— Да что я сделал тебе! — крикнул Марко, почти срываясь на плач. Он испугался, как маленький мальчик. — Чего ты ко мне пристал! Почему ты так хочешь меня убить?!

Мантикора склонила голову на бок, как это делают озадаченные псы. Взгляд зверя на миг затуманился, словно он о чём-то подумал, но тут же

снова сфокусировался на принце. Зверь чавкнул.

— *Потому что я больше ничего в жизни не знаю,* — хором проревело чудовище и прыгнуло.

Тупой толчок, глухой удар. Доски впились в спину. Страшная тяжесть обрушилась сверху. Марко схватил скорпионий хвост в последний момент, прямо перед лицом. Жало на конце походило на уродливый кулак с оттопыренным ногтем. Оно было так близко — сочащееся и пульсирующее, что Марко мог разглядеть на нём вязкие, как карамель, капли яда. С дьявольской силой хвост рвался из его ладони, царапая шершавыми позвонками, тянулся настойчиво кривым ногтем в глаза Марко. Зверь навалился всей весом, казалось, что ноги сейчас переломятся под чудовищной тушей. Стремясь жалом в лицо юноше, зверь вцепился когтями ему в бока. Красный всполох перед глазами. Дикая боль толчком под кожу. Горячая слюна закапала на голый, в клочьях рубахи живот принца. Марко шарахнулся, нащупывая рукоять меча, отчего боль под рёбрами обожгла с новой силой. Страшно закричав, Марко рванул клинок из-под себя. Перед глазами поплыли белые круги — когти зверя проникли ещё глубже. Не переставая верещать, Марко рубанул по извивающемуся в сжатой ладони хвосту, и в тот же миг к его воплю присоединился рокочущий рык мантикоры. Рывком когти вышли из тела, раненый

зверь отпрянул назад, размахивая обрубок хвоста, и брызгая вокруг тёмной кровью. Марко отшвырнул отрубленное жало и поднялся на ноги, тяжело дыша. Колени подкашивались, по груди и по бокам стекало что-то горячее, каждый удар сердца отзывался страшной болью. Неверной рукой Марко поднял перед собой меч, другой придерживая корзинку эфеса. Клинок ходил ходуном. Мантикора ревела, как сотня ржавых труб, и эта музыка сводила с ума.

— *Мразь! Вы все — мразь!* — неслось из чудовищной пасти. — *Враги! Всегда делаете, что хочется! Думаете, что вам всё можно! Считаете, что всё для вас! Сдохни! Сдохни! Сдохни! Ты должен умереть! Я хочу! Хочу, чтобы тебя не стало! Тебя просто не должно быть! Порву! Порву тебя! Дай мне пожрать! Умри и дай мне пожрать!*

Косматая громадина припала к земле, сжимаясь, как пружина, и размытым пятном метнулась в дрожащем свете. Марко оторвало от пола и швырнуло вбок, словно тряпичную куклу. Меч вылетел из рук, кувыркнулся, блеснул, и его поглотили тени изваяний. Принц ударился затылком о пьедестал, в глазах рассыпались искры. Рядом что-то глухо стукнуло и покатилося. Это факел выпал из пальцев статуи — юношу отбросило к подножью охотника. Марко

приподнялся на локте, сжимая зубы. В груди пылали свежие порезы от когтей. Мантикора плыла в дёрганом сумраке, приближаясь к нему, нависая над ним. Пламя освещало чудовище снизу резким, почти ядовитым светом. В жёлтых глазах плясали огоньки триумфа. Марко обдало зловоньем. Ему показалось, что запах из пасти чем-то сродни перегару. Перегару, смешанному с вонью псины, грязи и крови. Он дёрнулся, порывисто схватил упавший факел с досок и махнул перед собой, целя в отвратительную морду зверя. Взревели ржавые духовые, и зверь чуть попятился. Скрипя зубами от пульсирующей боли, стараясь не упасть в обморок, Марко поднялся и вновь махнул горячей палкой перед собой. Мантикора мягко скакнула назад. В глазах дымилась мутная досада и ничем не замутнённая ненависть. Огонь пугал зверя. Марко недобро усмехнулся и сделал шаг вперёд.

— Хочешь пожрать, научись стряпать! — рывкнул он и пошёл на зверя, размахивая факелом. Он практически ничего не видел вокруг себя — от боли, от крови, от яркого мельтешащего света, от нечеловечьего рыка и запаха твари — но он шёл вперёд, пугая огнём, и в нём, чуть притупляя боль, закипала ярость. Мантикора прижала уши и отползала назад. Обрубок скорпионьего хвоста дёргался туда-сюда, так что Марко на лицо брызгало чёрным. Злобные глаза внимательно

сlediли за движениями человека.

— Сдохни, говоришь? Можешь хотеть сколько влезет, тварь! — кричал Марко. — Но подыхать я не собираюсь! Ха!

Захлебнувшись неожиданным преимуществом, принц импульсивно дёрнулся с огнём в руках и подскочил к мантикоре чуть ближе, чем следовало. Зверь мгновенно воспользовался ошибкой. Небрежный взмах лапищи — и факел улетел прочь, а принц, вскрикнув, схватился за разодранное запястье. Чудовище победно взревело и бросилось на Марко. Тот кувыркнулся вбок, уворачиваясь от броска, вскочил на ноги и кинулся бежать. Нестройные роковые трубы ревели за ним. Он заметался среди тёмных, неясных статуй, пытаясь отыскать потерянный меч и хоть как-то запутать зверя, но немыслимо ловкое для своих размеров чудовище следовало по пятам. Марко споткнулся, покатился по доскам, размахивая изодранными руками, и растянулся, лишённый сил. Он слышал, как хриплая одышка зверя становится всё громче и громче, но бежать уже не мог. Он устал. Это конец. Он подогнул локти под себя, пытаясь хотя бы присесть на колени, чтобы встретить смерть лицом к лицу, и ощутил, как рука упёрлась в твёрдую холодную полосу. Его клинок. Марко вложил ноющие пальцы в корзинку, сжал рукоять, натужно застонал и привалился спиной к

пьедесталу какой-то статуи. Почему-то ему очень захотелось, чтобы это была танцовщица, а не жуткое мифическое животное. Он поднял глаза. Почти сливаясь с мраком, мантикора стояла перед ним, всклокоченная, в клубах пыли. Конечный пункт его путешествия. Его финал. У зверя сейчас миллион шансов покончить с ним. Покончить одним прыжком, одним ударом, одним рывком челюстей. А у него — единственный шанс. Всадить сталь зверю в брюхо прежде, чем испустить дух самому. Неожиданно для себя, Марко улыбнулся. Но разве «чрескольжение» не учит, что именно этот шанс и выпадает, если твои паруса наполнены отвагой и безрассудством? И разве не пришёл он сюда, и разве не нашёл то, что хотел, хотя сама возможность этого казалась абсурдной?

— Пустячок, — криво улыбаясь, простонал Марко. — Иди ко мне, киса. Перекуси.

Зверь рванул с места. Подпрыгнул — громадный, грузный. Взмыл над мальчиком, маленьким мальчиком, заляпанным кровью и пылью, и для Марко время вдруг потекло медленно, как болотная тина. Он видел, как чудище падает на него, бесконечно долго, раскинув страшные, когтистые лапы, как топорщится его чёрная грива, как пылают бешенством его глаза. Он стиснул меч, всем телом подался вперёд, сливаясь с оружием в одно целое, и вместе с клинком всю свою волю,

всю свою жизнь устремил навстречу накрывающей тьме.

14

Это был его тринадцатый день рождения, и как всегда в день рождения под вечер Марко было немножко грустно. Он лежал на ковре у себя в комнате, дрыгал ногами и рассматривал подарки. Их высилась целая гора, они отливали роскошью и ослепительно улыбались маленькому принцу, но у него была своя мера дорогого и ценного, запрятанная глубоко-глубоко, о которой знали лишь самые близкие. Поэтому из всего изобилия он доставал только настоящие сокровища и раскладывал перед собой на полу.

Игрушечный самострел — подарок Эрика. Простая деревяшка, грубовато обтёсанная для удобства руки, тетива из воловьей жилы и бельевая прищепка, эту тетиву удерживающая. К оружию прилагался парусиновый мешочек с абрикосовыми косточками в качестве снарядов. Сбоку по ребру самострела бежал узор из танцующих рыбок, сплетающихся хвостами и спинными плавниками — символ квартала, где жил Петар с сыном. Этот узор каждый локрумский рыбак учился рисовать сызмальства. Марко подумал, если бы Эрик умел получше писать, вместо завитушек он бы нацарапал

вдоль по самострелу: «Кровавому тирану от простого трудового народа» — и рожицу бы ухмыляющуюся пририсовал.

Папа подарил толстенный фолиант сказок с картинками. Король Милан категорически считал, что книга — лучший подарок, и говорил при этом, стуча пальцем по черепу: «Главное, чтобы был мозг на плечах!». В книге собрались волшебные истории со всего света, и со страниц на маленького принца пялились невиданные чудеса. Были здесь и те, о которых рассказывал пять лет назад факир на пристани. Марко листал странички, и сердце его дрогнуло, когда он увидел картину с таинственной чашей на берегу моря, из которой выходят диковинные существа. И в пасти у каждого сияет драгоценный камень. Он бережно заложил эту страницу закладкой и закрыл книгу.

Мамин подарок выдавал в королеве Бране всё ещё хранившуюся в сердце детскую страсть к настольным играм и куколкам. Новенький набор искусных костяных фигурок Кэпкэунов, воинов-оборотней. Они выглядели как закованные в пузатые доспехи рыцари, только вместо шлемов у них были головы разных животных: лисы, лося, зайца, акулы, кошки... У Кэпкэунов крутились на шарнирах руки, и туда им можно было вложить крохотное оружие. Фигурки были не раскрашены, просто желтовато-белая кость, но именно это

считалось хорошим тоном: хозяин должен самостоятельно разукрасить своих Кэпкэунов (локрумские мальчишки до драки могли спорить о том, какая техника покраски правильнее) и потом щеголять перед остальными.

А ещё на полу перед Марко лежала замысловатая коробочка из цветной бумаги, перевязанная лентой и тонко-тонко пахнущая ванилью. От Лауры. Если прислушаться, можно было различить внутри мягкий шорох. Марко весь день боялся её открывать. Сердце колотилось, вокруг было слишком много людей. Но сейчас он решился и потянул за ленточку.

Бумажные крылышки коробки встопорщились, и наружу вдруг распушился комок чёрного ворса. Марко отдёргнул руку от неожиданности, а чёрный мохнатый шарик сам собой выпрыгнул из коробки на пол, пыхнув облачком угольной пыли. Прошуршал по ковру и замер. Плотные меховые ворсинки вздрагивали и в глубине их поблёскивали две бисеринки глаз. Это был сажевичок! Настоящий сажевичок! Учёные мужи до сих пор не договорились между собой, считать этих существ зверьём или же полуразумными грибами-лишайниками. Растениями сажевиками точно не были. Так или иначе, что-то о них известно было и Марко. Сажевика заводились в пыльных углах, где давно

не подметали, или старых печах, где скапливалась сажа. Когда пыли и грязи набиралось слишком много, часть её будто начинала оживать и следить за людьми, копировать их поведение. Если в семье не всё гладко, если в доме слышны ругань и брань, грязь могла обрести пугающие привычки и перейти в наступление. Но чаще всего, она просто скатывалась в чёрные комочки с глазками, пушистые и пугливые, которые бегают по стенам и прячутся за косяками дверей. Если ступать по дому осторожно, и не палить ярко света, можно увидеть, как сажевички зыркают из щелей, точно изюм из булки. Марко протянул руку, сажевичок из коробки надулся, сжался, скользнул в дальний угол комнаты и забрался под самый потолок. За ним протянулся через всю комнату — по ковру, по стене — прерывистый угольный след.

— Эй! — крикнул Марко. — Всё перепачкал же!

Внезапно сажевик издал тихий смешной звук — словно бы чихнул — и взялся носиться по стене взад-вперёд, вычерчивая на обоях сажевые петли и загогулины.

— А ну прекрати! Чего творишь! — бросился за ним маленький принц, как вдруг замер с открытым ртом. Беспорядочный след юркого существа оформлялся в осмысленные надписи. Марко вспомнил, что слышал ещё и о таком

свойстве существ: если начертать что-нибудь на стене, где сидит сажевик, последний тут же примется копировать каракули своим чумазым следом. Если же его поймать за этим занятием и не дать возможности повторить написанное, то сажевик каким-то образом запомнит узор и потом, лишь только освободившись, выведет его на ближайшей ровной поверхности. Простые локрумские ребята, у которых не всегда оказывалась в доме бумага с чернилами, но бесплатной сажи — завались, часто пользовались этим свойством милых порождений грязных углов, чтобы передавать друг другу послания. Марко смотрел на стену с постепенно возникающим текстом, и сердце его срывалось в галоп. Сажей было написано: *«Коромыслов камень. Сегодняшний вечер. С днём рождения»* .

Невероятно! Лаура воспользовалась приёмом, почитаемым знатью за удел простолюдинов, чтобы передать ему секретное послание! Она всегда рушит стереотипы, эта удивительная принцесса! Марко хотелось вопить от восторга. Коромыслов камень? Маленький островок между их королевствами, где встречаются влюблённые! Там она будет ждать его! Или уже ждёт? Сколько он тянул время, пока не открыл подарок? Уже вечер! Вдруг она не дожждётся? Дурак, дурак! Марко опрометью вылетел из комнаты и с разбегу

врезался в увесистое пузо отца.

— Куда это ты, именинник, на ночь глядя? — осведомился король Милан.

— Прогуляться, пап! — выпалил Марко, уже перескакивая через лестничный полёт далеко вниз. — И спасибо за подарки!

— Марко! Ноги не переломай! — крикнул король, грузно перегибаясь через перила. — И не забывай, мозг! Мозг должен быть на плечах!

Но сыночка уже и след простыл. Если бы Милан не был уверен, что единственная любовь Марко сейчас далеко, у себя дома, он бы поклялся, что маленький принц опаздывает на свидание.

Мысли в голове Марко неслись вприпрыжку. Сколько нужно времени доплыть до Коромыслова камня? Пара-тройка часов при попутном ветре? Но кто даст ему, маленькому мальчику, пусть и принцу, пусть и в день рождения, управлять лодкой в одиночку? Да ещё и в сумерках? Да и где он сейчас найдёт лодку?

Марко брёл по скачущим вверх-вниз улочкам города, нервничал и грыз отчаянно ногти. Мягкий, тёплый вечер опускался на город. Вдоль каменных дорожек зажигали фонари, люди рассаживались по стульям и скамейкам, прямо на улице, после тяжёлого дня — отдохнуть, поговорить, промочить горло. Забегаловки с решётчатыми навесами, увитыми виноградной лозой, оживали смехом и

разговорами. Проходя мимо очередного кабачка, Марко вдруг различил знакомый голос, перемежаемый девичьим щебетом. Неужели? Маленький принц улыбнулся и резко свернул в кабак.

Здесь было шумно и весело. Зелёные бороды плюща свисали с речной крыши, горели масляные лампы, воздух загустел от запаха мяса и пряностей. Разрумяненные барышни сновали туда-сюда с тарелками, чайниками и кувшинами. Одна из них оставила поднос и расположилась у ступеней, что вели из харчевни напрямиком на терраску соседнего дома, накручивала локон на пальчик и хихикала. К ней притиснулся некий ухажёр с раскатистым баском. Руки его тешились женскими прелестями и делали это, надо признать, с изрядной долей умения. И хоть на человеке не было форменной гвардейской куртки с набивными рукавами, да и стоял он к принцу спиной, Марко быстро сообразил, кто перед ним. Не моргнув глазом, он отвесил бойкому вертихвосту пенделя под зад. Тот крикнул, охнул и обернулся, хватаясь за шпагу. Седые усы, нос картошкой, свирепый взгляд, который тут же сменился замешательством. Марко скрестил руки на груди и мрачно ухмыльнулся.

— Ну-с, Андро, как служба? — процедил он.

— Что? Я... э... — престарелый гвардеец покраснел и поскрёб лысину.

— Почему не при исполнении?

— Так ведь... поздно уже, я подумал, ваше высочество почивать изволит, вот я и... — он виновато ухмыльнулся.

— Так-так, сомнительное оправдание! А почему не при параде? — поинтересовался мальчик, разглядывая гражданское одеяние Андро.

— Побоялся, знаете ли, обмараться... Сами понимаете, грязноватое заведение, жир, гарь...

— Ах, грязноватое, значит?! — девушка, стоявшая у ступеней, вспыхнула и вlepила старичку оплеуху. Отпихнула его и надменно двинулась прочь, не забыв, правда, изобразить маленькому принцу кокетливый книксен.

— Побоялся обмараться, говоришь? Похоже, Андро, ты обмарался по полной, — важно покивал Марко, провожая барышню взглядом.

— Да уж, — тоскливо отозвался тот. — Явно не мой день...

— И папа, думаю, расстроится, — Марко покачал головой и поцыкал зубом. — Вместо того, чтобы бдеть и хранить безопасность моего, понимаешь ли, высочества, ты тут хихоньки с хахоньками гоняешь, м-м?

— Принц, да вы что! — Андро ухватил мальчика за плечи и принялся трясти. — Вы ведь не расскажете королю? Я же старый! Попрут меня из гвардии — и кому я буду нужен после такого?

Марко дважды ткнул его пальцем в картофельный нос.

— Жениться тебе пора, Андро, вот что!

— Женюсь! — горячо заверил тот. — Обещаю! Только умоляю, не говорите отцу!

— Не-е, — протянул Марко. — Со свадьбой ты уж сам решай! А я тебе предлагаю сделку иного рода!

— Сделку?

— Отвези-ка меня на Коромыслов камень, прямо сейчас! И тогда я могила!

— Но, ваше высочество... Уж ночь на дворе... Да и с морским делом я знаком абы как...

— А ну-ка не ломайся, Андро, ты же воин! — прикрикнул маленький принц. — На кону у нас бесценное молчание, не забыл? И вообще!

Мрачная неумолимость на физиономии Марко, сменилась чем-то очень мальчишеским.

— У меня день рождения! А ты мне ничего не подарил! Так что снаряжай лодку — и на Коромыслов камень!

Уголья закатных облаков тлели над Эпиотикой. Высоко в небе и глубоко в зеркальной воде растворились пятна уснувшего солнца, уступая место густой бархатной синеве. Тёплый ветерок трепал вихры у Марко на голове и мягко дул в паруса гвардейского шлюпа. Тонкий серпик луны выступил из-за кулис ночи и склонился над

водной гладью, обозначая там, внизу, ещё один полумесяц — дугу Коромыслова камня. Это было удивительное творение то ли природы, то ли богов. Считалось, что природа создаёт спонтанно, а боги — по разумению, всегда имея в рукаве некую предварительную интригу. Коромыслов камень всем своим видом заявлял, что без особого умысла ему было не вырасти из морских глубин. Две посеребрённые луной скалы известняка дыбились в тёмной воде. Они стояли друг напротив друга, близко-близко, точно близнецы или любовники. Верхушки каждой из скал протянулись друг к другу, словно расплавленные, и срослись могучей каменной аркой. В пушистых космах сосен и в стрелах кипарисов бежал над водой выгнутый коромыслом мост. Марко, не отрываясь, смотрел на него, словно он был его воротами в новую жизнь — и принц был убеждён, что здесь действительно начинается его другая, взрослая судьба. Деревья вырастали прямо на отвесных стенках моста, оплетая его корнями, свешивая мохнатые, тёмно-зелёные лапы — а над ними, по середине стремительной дуги, Марко вдруг увидел крохотную фигурку. Девочку среди кипарисов, которая махала ему. Маленький принц отчаянно замахал в ответ и закричал:

— Андро, скорее, скорее причаливаем!

— Поди ж ты, причаливаем, — пыхтел

гвардеец, сражаясь с непослушным такелажем. — Где причаливать-то? Скалы одни!

Похоже, и принцесса прибыла на Коромыслов камень в сопровождении единственного рыцаря. В небольшой бухточке около одной из опор острова-моста покачивалась на волнах лодочка с бело-красным флагом королевства Млен. Человек в ней стоял торжественно, скрестив руки на груди и задрав громадный подбородок, и столь же торжественно был одет. Панцирь, полосатая куртка, шёлковые чулки, пышный алый плюмаж над шеломом. Подплывающему локрумскому шлюпу и его пассажирам он с достоинством поклонился, насколько позволял тяжёлый панцирь, но не проронил ни слова. Стоило судёнышку тюкнуться носом в известняк, Марко с грохотом бросился вперёд, прыгнул на камни и, цепляясь за корни деревьев, полез вверх по скале.

— Ваше высочество! Ну постойте же... э-эх, — Андро безнадёжно махнул рукой и принялся, кряхтя, накидывать чалку на торчащий из берега сосновый корень. — Попрут меня из гвардии, ох, попрут! И как я только согласился! Вертит мною, как хочет, шкет!

Мленский гвардеец смерил Андро взглядом, но ничего не сказал.

— Да ты не смотри, сынок, что в гражданском, — виновато развёл старик руками. —

Врасплох меня застали, евойное высочество. Расслабиться позволил себе. Не по уставу, конечно, но что ж поделывать-то! Старый стал совсем. Организм временами требует поблажки.

Гвардеец с красными перьями на голове молчал.

— Давно ждёте-то? — спросил Андро, запрыгивая обратно в шлюп.

Мленец выдержал паузу и сдержанно кивнул.

— Ясно... Принц-то мой из кожи весь вылез, пока шли, так торопился! А я сам по морям-то не очень... Всю молодость в горах прослужил. Там под ногами тоже почва не самая надёжная, того и гляди — сверзишься. Но всё ж какая-никакая твердь, а не досочка посередь волн. А теперь вон оно как всё, — Андро прикрикнул. — Суставы хрустят, по горам не набегаешься... Присматриваю вот за инфантом. Горяч пострел, ох, горяч!

Андро посмотрел на своего безмолвного собеседника. Тот усиленно изучал верхушки деревьев на скале. Престарелого гвардейца это немного выбивало из колеи.

— Ну а ты, сынок? — громко спросил он. — Вроде молод, бодр, шея толстая! Как тебя-то в няньки угораздило?

Мленский воин молчал. Руки по-прежнему скрещены на груди. Бриз копошился в красных перьях плюмажа, луна обозначала мужественные

черты лица. Так они простояли в тишине некоторое время. Потом воин разомкнул уста.

— Колено прострелили, — ответил он.

Марко вскарабкался на горб Коромыслова камня и увидел Лауру. Месяц поднялся высоко и расчертил тенями бугристую, растрескавшуюся поверхность моста. Деревья казались живыми. Словно принц попал на тайную поляну, где пляшут сказочные существа: одни серебристые, кривляки-феи, нежащиеся в свете луны, другие чёрные, приземистые лешаки-кавалеры, повторяющие движения своих дам. Принцесса Млена стояла там, посреди этого невероятного, невиданного хоровода, маленькая и прекрасная. Она чуть склонила голову на бок и улыбалась.

— Лаура... — внизу живота защекотало, руки задрожали, и он бросился навстречу принцессе. Они столкнулись, трогательно, по-детски неуклюже, и прижались друг к другу.

В день рождения должны происходить чудеса. Он стиснул маленькую Лауру в объятиях и произнёс то, что давно собирался произнести, тихо и торжественно:

— Может быть, звёзды — это драгоценные камни в пастьях космических зверей. Может быть, и нет. Но чем бы ни были те звёзды на небе, я достану для тебя нашу звезду. Я достану для тебя тот сапфир из проклятой крепости. Клянусь. Может

быть, не сегодня... И не в этом году... Но обязательно достану и принесу его тебе. Нашу звезду. Синюю и яркую. И тогда... — голос у маленького принца дрогнул, и он кашлянул. Принцесса Лаура тихонько хихикнула. Марко смутился, но тут же взял себя в руки. Она по-прежнему была в его объятьях. — И тогда я женюсь на тебе.

Они стояли в ночной тишине, солёный ветер играл их локонами.

— Я согласна, мой принц Марко.

Лаура поднялась на цыпочки и робко поцеловала его в губы. Марко закрыл глаза, чувствуя, как любовь накрывает его с головой и разливается по всему телу.

15

Он с трудом разлепил веки. Пыль забила под них, кровь спеклась на ресницах. Голова гудела и раскалывалась на множество мелких кусочков. Он был жив, но погребён под обмякшей тушей. Он чувствовал, как из-под неподвижной громады, лежащей сверху, его заливает чем-то тёплым и липким. Из клочьев шерсти на спине зверя, словно первый весенний цветок, проросло острие клинка. Чудовище не дышало. Марко попробовал пошевелиться и застонал. Густо воняло дерьмом —

похоже, мантикора обгадилась, напоровшись на его меч. А может, это он сам.

Стиснув зубы, он упёрся ладонями в остывающую лохматую плоть и надавил от себя. Внутри у него что-то хрустнуло, боль обожгла и ослепила, Марко заорал, но мышц не расслабил. С чавканьем, туша приподнялась над ним и отвалилась в сторону. Принц съежился на заляпанных досках, сжал, стараясь унять, сочащиеся раны и помятые ребра. Боль стучалась в его теле, вынуждая скулить. По стенам башни, по статуям тревожно колыхалось лилово-багровое марево. Казалось, оно вздрагивает в такт его ранам. Марко подумал, что видит отблески огня, что упавший факел подпалил доски башни, и вокруг него разгорается пожар, но почему-то его это не взволновало. Он страшно устал, у него ныло всё тело и безумно хотелось пить. И есть. Он оторвал голову от пола и огляделся по сторонам. Очертания сумки вырисовывались поодаль, среди кусков чёрного гранита и комьев пыли. Охнув, Марко перевернулся на брюхо и пополз к сумке, шваркая по полу пустыми ножнами. Схватил за ремень, дёрнул к себе — на пыльные доски выпала фляжка, утварь и несколько шматков вяленого пршута. Принц припал к фляжке, жадно заглатывая холодную влагу, потом вылил немного на голый, разодранный живот. Поморщился, схватил с

грязного пола кусочки мяса и принялся яростно жевать. Вместе со вкусом пршута и прохладой воды к Марко возвращалось ощущение действительности.

Он был жив, и это было главное. Из всех вариантов вселенной случился тот, в котором он выжил. Так вот о чём предупреждал Руфуса Жемчужную Бороду старый вождь ванар! Выдрать сапфир из пасти статуи означало пробудить жуткую тварь. Тварь чуждую и ненавидящую. Но он выстоял. Капитан Жемчужная Борода убоился — и потому кончил нелепо, выпав за борт. Он, принц Марко, не убоился — и победил. Кряхтя, юноша перекинул ремень через плечо, стряхнул пыль с осьминожьего герба на сумке, поднялся на ноги. Безрассудство даровало ему победу. Хватаясь рукой за бок, он поковылял вперёд. Безрассудство обеспечило успех. Силуэты скульптур плясали вокруг него. Безрассудство выдернуло из когтистых лап смерти. Багряное марево впереди становилось ярче. И безрассудство мешало принцу увидеть очевидную вещь: вряд ли пиратского капитана с одиннадцатью кораблями отъявленных головорезов остановила бы угроза столкнуться со зверем, которого — пусть и не без помощи проведения — может одолеть семнадцатилетний мальчишка. Безрассудство не давало юному принцу задуматься над тем, что, возможно, обезьяний вождь

предупреждал смельчака Руфуса об ином. О чём-то куда страшнее.

Марко увидел статую танцующей девушки. Ту самую, у ног которой приземлился выпавший сапфир. На её лукавой улыбке, набухших персях, дразнящих бёдрах трепыхались яркие отсветы багрянца, как будто исступлённо облизывали изящное мраморное тело. Марко опустил глаза. Никакого пожара в башне не было. Это пылал Радамант. Сперва принц подумал, что кровь прилила к голове, и боль заставляет видеть всё в багровых тонах. Но нет. Недавно сиявший сине-голубым, камень теперь вихрился невероятными оттенками — от фиалкового до кроваво-красного. И он гудел. Не урчал котёнком, как раньше, а завывал, как ветер в печных трубах.

— Даже багряный, он всё равно останется самым большим сапфиром на свете, — упрямо подумал Марко, не замечая, что заговорил вслух. — И я заберу его с собой.

Он протянул руку и схватил камень. Схватил, словно чьё-то сердце — пульсирующее, пылающее, кровавое. И только пальцы сомкнулись на переливчатых гранях, из недр, из вопиющей глубины сапфира вдруг ударила безудержная силища. Бросилась наружу, ломая и круша, с невероятной страстью, презрев нормы людей и законы мироздания, сжигаемая нестерпимой

жаждой освобождения, нечеловеческая сила. Она бросила Марко назад, протащила по доскам, рванула сапфир из руки. Камень стукнулся и закрутился волчком.

Яростный огонь толчками выплёскивался из Радаманта, словно тот икал или бился в конвульсиях; он швырял свет вокруг, как краску из ведра, широкими всполохами. Казалось, свет материален, его можно пощупать. Лиловые, пурпурные, багровые, пунцовые рукава извергались наружу, смешивались, уплотнялись, прирастали друг другом.

— Ну уж нет!

Марко вскочил на ноги — снова, скрипя зубами, с остервенелым упрямством — и тут же повалился обратно, как будто неистовый свет, рвущийся из сапфира, бил его с ног. Внезапно Радамант потух и уснул. Исторгнув из себя, мучительно, последние капли сияния, он умер, обратившись немой, тусклой стекляшкой. Свет же остался. Пятна его свивались, скручивались, обретали форму. Они уже не лежали на полу, стенах, статуях, они наполняли собой сам воздух, дыбились, громоздились, нависали над принцем кишачим ослепительным существом.

И вдруг оно всосало само себя, сжалось, оформилось, уплотнилось с чмокающим звуком и внезапно погасло. Перед оторопевшим принцем

стоял высокий мужчина, статный и мускулистый, словно одна из скульптур, окружавших его. Но этот был настоящим — с чёрными кудрями, высоким лбом, лоснящейся кожей, пронзительной ухмылкой. Настоящим и абсолютно голым. Закрученная смоляная прядь падала ему на лицо, а в глазах копошилась внимательная тьма, и догорали багряные зарницы.

— Видишь, какая штука, мой юный принц, — сказал человек и потёр подбородок. Он проделал это с таким выражением, будто продолжал мысль, начатую некоторое время назад. — Сколько бы мы ни готовились к следующему мгновению нашей жалкой, жа-а-алкой, — с этим словами он нагнулся и ловко подобрал потухший сапфир, — жизни...

Марко закашлялся от забившейся в глотку пыли. Голый мужчина вздрогнул.

— О, ты абсолютно прав, прости! Сколько бы ты ни готовился к следующему мгновению *своей* жалкой, жалкой жизни, ты никогда не узнаешь, каким оно будет, это мгновение, — мужчина обаятельнейше осклабился. — Не правда ли?

Он разогнулся в полный рост и поднял камень, вертя в пальцах. Радамант был тускл, грани его более не мерцали. Марко было плевать, откуда взялся здесь этот слащавый атлет, но сапфир был сейчас в его руке.

— Но ведь... но ведь ты так и представляешь

себе порядок жизни? — человек вроде бы и обращался к Марко, но говорил при этом сам с собой. — Иди вперёд, и будь что будет, верно? Фортуна целует беспечных, так ты говоришь? Ты и не думаешь готовиться к грядущему мигу, ты обожаешь сюрпризы, мой юный принц, м-м?

Мужчина запрокинул голову и расхохотался. Снаружи башни, казалось, грома вторили этому хохоту. Марко разглядел на голой груди чернеющий знак — то ли заковыристый шрам, то ли татуировку: перекрещенные крючья на фоне круга.

— Мне это нравится! — гаркнул мужчина, подбросил сапфир и снова поймал его. — Благодаря твоей удали мы сейчас можем поговорить, как человек с человеком. Ты, верно, заскучал по общению не меньше меня! Вон сколько проплыл в одиночестве! Принц? Ну же, эй! Пользуйся моментом, не лежи на полу, язык проглотив! Скажи-ка мне что-нибудь! Давай!

У Марко не было никаких сил удивляться, думать и хоть как-то реагировать, сообразно происходящему. Он забрался в самое сердце проклятого острова, он сразил чудовище во имя любви, и теперь его мальчишеская натура требовала награды. Он сжал кулаки.

— У тебя мой камень, голый человек, — прокряхтел Марко, стараясь звучать угрожающе. —

И ты понятия не имеешь, чего мне стоило до него добраться!

Брови голого влетели вверх.

— Ну зачем же ты так! — воскликнул он. Покачал головой, поцокал языком и принялся быстро крутить Радамант в пальцах. — Имею, да ещё какое! Ты настоящий герой!

Марко почувствовал, что свирепеет. Голый буквально источал издёвку. То, как он говорил, как вертел его камень в руке — всё сочилось ехидством.

— Победил мантикору! — человек взялся расхаживать вокруг лежащего принца. — Сам! Один! Пронзил клинком! Раз! — он сделал неуклюжий выпад. — Укокошил старого блохастого кота с дурацким хвостом! Да ты храбрец!

Он с размаху пнул принца в поддых. Марко охнул и скрючился.

— Она была такой отвратительной, эта мантикора, да ведь? — мужчина схватил Марко за волосы, рывком подтащил к себе и прижался губами к его уху. Принца окутало приторно-сладкой вонью, и тошнота подкатила к горлу. — Скажи-ка мне, какой она была? М-м? На кого походила тварь? На мерзкого бродягу из подворотни, так, юный принц?

Он отшвырнул Марко и снова зашёлся в

хохоте. Принц судорожно хватал ртом воздух, пытаясь отдышаться от сладковатого духа, но ничего не получалось.

— Лицо мантикоры всегда приобретает вид, наиболее отвратительный её противнику! Ты знал? Конечно не знал! У тебя же «чрескольное» в голове! А-ха-ха-ха-ха! Ну да я тебе расскажу, времени у нас много, — голый опять подбросил сапфир. — Всё происходит благодаря каким-то там флюидам в шкуре зверя. Ты вдыхаешь запах, смотришь на рожу этой образины и видишь то, чего боишься больше всего на свете!

— Мне всё равно, — просипел Марко. Ему хотелось плакать, злиться и домой. — Отдай мне камень.

— Вот, например, — продолжал голый, не слушая мальчишку, и крючья на его груди мощно вздымались. — Знал я одного паренька, тоже дерзкий был, вроде тебя! До обморока боялся женщин. Всех девок на деревне обходил по широкой дуге. Представляешь! И напоролся на мантикору! Глянул ей в харю и увидел у зверя лицо красавицы. Манящие губы, огромные чёрные ресницы... бр-р-р, ужас! Да он, пожалуй, обмочился со страху! Хорошо хоть удрал. Вот ты, юный принц, образа забулдыги не испугался, зарубил вражину. Флюиды рассеялись, и теперь у неё простая кошачья морда. Чудеса, правда?

Вообрази, было бы так со всеми отбросами общества: убил подзаборную пьянь, а она превратилась в кису! Пушистую такую... И мёртвую! А-ха-ха-ха-ха! В пушистую, мёртвую кису! Ха-ха-ха, да я сегодня в ударе! Эй, принц, ты чего не смеёшься? Почему кислая мина? Улыбнись!

Он снова врезал Марко ногой по рёбрам. Тот закричал, слёзы брызнули из глаз. Голый человек ахнул.

— Что такое? О боги, да ты весь в крови! — и пнул ещё раз. — Улыбайся, принц! Шрамы украшают мужчину!

Он положил сапфир на ладонь.

— Такой внезапный, неожиданный мир, правда? Ты-то был уверен, этот камешек — просто твой способ самоутвердиться в жизни! А он оказался гораздо большим! Моей тюрьмой. Моей судьбой. Теперь он, как и ты, просто пустышка. Нужна тебе такая? Забирай! Самоутверждайся!

Он сжал камень в кулаке, раздался тихий хруст. У Марко упало сердце. Человек улыбнулся. Он раскрыл ладонь, и на принца посыпалась прозрачная голубоватая крошка. Марко видел, как прямо на глазах рассыпается его мечта, его жизнь, как разлетаются по земле осколки его детства. Ярость бросилась в голову, он взревел и рванул на голого демона, но тут же кулак тяжёлым молотом врезался ему в солнечное сплетение. Принц охнул,

разевая рот, как рыба, выброшенная на берег, и следующая волна сладкой вони уронила его. Шатёр башни потряс громовой раскат — молния ударила так близко, что стены содрогнулись до основания. Хотя, возможно, содрогался лишь череп несчастного принца. Голый бил его. Удар обрушивался за ударом, Марко дёргался на полу, и сквозь ломоту и резь пытался понять, как он мог так угодить, как такое могло сейчас происходить с ним? Голый прервался перевести дух. Крючья и круг на его груди ходили вверх-вниз, тело блестело от пота, источая приторную сладость. Где-то Марко уже видел эти скрещенные крюки. Снова гром раскатился по сводам башни.

— О? — взгляд мужчины упал на сумку Марко, и губы скривились в презрительной ухмылке. — Герб великого королевства Локрум! Склизкий, бесхребетный спрут, символ державы! Прекрасно! Эй, принц! Ты сейчас очень похож на свой герб. Так славно извиваешься на земле! Корчишься, сучишь своими... своими... что это у тебя? А-ха-ха-ха-ха!

Марко всхлипывал и ронял кровавые сопли на доски. Он уже ни о чём не думал, почти ничего не чувствовал. Боль и обида, боль и обида сожрали все его мысли, все его чувства. Голый присел на корточки и снова вздёрнул голову принца за волосы. У Марко перед глазами плыл туман, сквозь

который проступали очертания двух крюков на фоне диска. Определённо, он видел этот знак раньше. Хотя, возможно, то было лишь обманчивое ощущение, из-за сводящей с ума боли. Ему показалось, что контуры символа начинают изнутри светиться багрянцем.

— Признайся, юный принц, — прошептал голый ему в ухо. — Ты не любишь людей, так ведь? Ты боишься их, презираешь, в глубине души они противны тебе. Прекрасно тебя понимаю! За что их любить? Этих мелких, пакостных людишек. Думаю, я отплачу тебе услугой за услугу! Ты освободил меня из плена синего камня, а я освобожу тебя из плена этого отвратительного человеческого тела. Ведь ты так жалок...

Он улыбнулся. Бордовое свечение разгоралось в его глазах, в выведенных на груди крючьях.

— И тебе нравятся моллюски, как на сумке, да? Что ж, думаю, это самое подходящее!

Он оторвал Марко от земли, держа за голову на вытянутой руке. Принц трепыхался, пытался отбиться, но был абсолютно беспомощен. Всё тело ныло от боли. Голый гигант шумно и возбуждённо дышал. Пот, похожий на вонючий сироп, струился по его мышцам. Знак на груди уже пылал, как раскалённая проволока, слепя израненного принца.

И тут что-то произошло у Марко внутри. Словно вся боль тонкими нитями начала скользить

от конечностей в грудь, свиваясь клубком, уплотняясь, набухая. Она сжималась, становилась всё меньше, всё тяжелее и натянуто подрагивала у Марко под сердцем, будто вот-вот готов был оборваться неведомый предел напряжения. Мощные пальцы разжались и уронили принца вниз. Ком в груди Марко взорвался, брызнул во все стороны широкой волной, вспахивая органы, выгибая рёбра, извращая тело. Принца скручивало, сжимало, корёжило, выворачивало наизнанку. Марко пытался закричать, но услышал лишь сдавленный булькающий звук, вырвавшийся из той бесформенной массы, которую до сих пор он считал собой. Боль дробила его кости. Он уже не мог понять, где у него рука, где нога, откуда смотрят глаза и чем он дышит. Его тело менялось. Он ощутил, как позвоночник вспучивается под затылком, словно корень поваленного дерева, утрачивает твёрдость, упруго и страшно рвётся наружу. Ужас дожёвывал за болью остатки Маркова рассудка. Кости словно таяли у него внутри, рассасывались в толще меняющихся мышц, оставляя лишь ломоту. Внутренности лопались, а на их месте леденящими пузырями надувались новые. Марко тонул в безумии. Кожа на спине вздыбилась буграми и треснула. Позвоночник вывалился наружу, но то был уже не позвоночник, а толстое длинное щупальце. Оно выгнулось над

головой Марко, оцетинилось гребнем раздутых присосок, а следом за ним из растерзанного юноши устремились наружу другие щупальца, словно аспиды из трухлявой коряги, беспорядочно, жутко, свиваясь и путаясь между собой. И сквозь боль, сквозь кошмар Марко понял, что чувствует каждое из этих щупалец, чувствует *через* них. Не только видел, как прилипают к доскам ряды присосок, но и ощущал присосками старое дерево на вкус. Наследника локрумского престола больше не было. В ошмётках одежды, драных клочьях штанов и рубахи извивался громадный осьминог, весь в крови и слизи, неуклюже дёргая змееподобными руками, свивая их кольцами и вновь вытягивая, не понимая, где верх, а где низ, где реальность, а где чудовищный, жуткий сон. Задыхаясь, он всасывал воздух, и тот словно зазубренным ножом резал жабры, непригодный для дыхания.

— Как чувствуешь себя, мой скользкий принц? — расхохотался голый человек. Багряный огонь клубился в его глазах и в груди. — Думаю, тебя распирает от благодарности! К тому же, я оставляю тебе твою жалкую, жа-а-алкую жизнь!

Вселенная рушилась в угасающем сознании Марко. Рушилась она и в реальности: страшный удар сотряс башню, и стена раскололась, роняя грохочущие камни — молния угодила прямо в неё. Сверху посыпались куски черепицы и опорных

балок шатра, башня обрушилась почти наполовину, а следом хлынули дождевые струи. Над принцем-осьминогом и голым человеком, если это вообще был человек, теперь бурлило дикое небо и резвились молнии. Огрызок башни нависал сбоку, как надкушенный гриб. Потоки ливня выдернули растекшегося по земле Марко из беспамятства. Осьминог судорожно втянул в себя воду, но, пресная, она почти не принесла облегчения. Голый поднял напряжённые руки, словно принимая ливень в объятия. Крючья и круг на груди горели в мутной пелене.

— Это конец и это начало! — прокричал он сквозь грохочущую стихию. — Ты свидетель, осьминожий принц! Великая честь для тебя! Ничего прекраснее ты никогда не видел и никогда не увидишь!

Он брезгливо скривился, глядя на корчащегося у его ног моллюска, и поднял взгляд к небесам. Буря безумствовала.

— Смотри же!

Над чёрными щётками сосен, над склоном острова, над слепым, далёким морем вдруг свернулся из туч клубящийся язык. Ветер потянул туда щепки, обломки и камни. Извиваясь и танцуя, язык удлинялся, сладострастно тянулся вниз. И навстречу ему из моря поднялся другой, такой же громадный, но прозрачный, скрученный из воды.

Небо и море сомкнулись в неистовом поцелуе: одно лиловое, дымное, другое бирюзовое, кипящее — и оформились в исполинский столб, расперевший пространство.

— Это начало и это конец, — повторил голый дьявол. Очертания мускулистого тела дрогнули, нарушились, потекли полосами, будто дождь смывал их, и потянулись в сторону смерча. — Прощай, принц. Теперь это мой мир.

И он исчез. Осьминог остался один. Вяло шевелил щупальцами и умирал.

Раскачиваясь, смерчевой столб полз на остров. В свете молний вода вставала горой мутной губительной бирюзы, поглощая прибрежные скалы и тощие деревья. Марко увидел над собой вздыбленную пучину: морские глубины, устремлённые в небеса. Неодолимая сила потащила его. Одна за другой присоски отрывались от мокрых досок, медленно отдавая осьминога в объятия стихии. Марко заглянул туда, и в этом ревущем космическом водовороте вдруг увидел себя. Себя маленького, совсем ещё маленького.

Свернувшийся калачиком малыш Марко засыпал под одеялом. За окном шуршал вечерний прибой, а мама тихонько сидела у кровати и что-то пела. Колыбельную, слова которой давно забылись, но сейчас вдруг обрывками снова всплывали со дна памяти. В той песне мама просила бурю утихнуть, умоляла сосны не шуметь, ведь её малютка сладко

дремлет в колыбели. Осьминог задышался, ему бредилось, что и сейчас буря вокруг стихает, море успокаивается, а ему снова четыре годика, и мама рядом. Уймись гроза, не буди малыша. Пронеситесь тучи, ливнями шурша. Спи, дитя, спокойно. Закрывай же глазки. Пусть тебе приснятся солнечные сказки.

Марко сомкнул веки — не сверху и снизу, как обычно, а по-осьминожьки сбоку, как задёрнул занавеску. Жуткое, чуждое чувство. Всё изменилось. Как раньше уже не будет. Никогда. Марко хотел заплакать, но уже не знал, есть ли у него теперь слёзы. Грохочущая стена воды надвинулась на него. Он ощутил солёное дыхание смерча. Последний осколок детства сверкнул в памяти драгоценностью и померк. Он расслабил щупальца, отпуская осклизлые доски, разрушенную крепость, проклятый остров Грк — и канул в стоячую бездну.

Глава вторая. Сердца осьминога

1

Темнота колыхалась неясными пятнами. Со дна её тяжело проступали другие краски — холодные и незнакомые — они сжимались,

расползались, покачивались. Нехотя, причудливо они лепили пространство вокруг, выдували его, насыщали, полнили. Сперва он даже не мог понять, смотрит ли в эту материю по-настоящему, или она — лишь беспорядочные колебания в мыслях, порождённые бредом. Но он совершенно не ощущал воспаленности разума, не чувствовал никакого жара. Наоборот, лишь прохладу и мерное покачивание. И от того становилось ещё страшнее. Нет, он определённо видел сейчас эти глубокие оттенки, смотрел на клубы мутных сияний с пронсящимися сквозь них стремительными формами. Видел, наблюдал и даже, если сосредоточиться, мог бы назвать эти оттенки и формы поимённо. Страшная, пугающая правда крылась в другом: не было уверенности, что именно он, *сам*, видит эту картину перед собой. Чужие глаза глядели в морскую пучину. Чужое тело парило в толще солёных вод, такое же изменчивое и мягкое, как сама толща. Оно топорщилось над головой пространным, бугристым мешком, а восемь конечностей змеились вокруг рта, и каждой из них он чувствовал густой, плотный, солёный вкус воды, как если бы трогал воду одновременно и пальцами, и языком.

Он вдруг вспомнил, как давным-давно, в другой жизни, представлял себя морским зверем, затаившимся в глубинах подводного царства, и как,

тем самым, пытался отгородиться от назойливого людского шума, от нормы, от скуки. Что ж, похоже, он добился своего.

Солнце делило толщу на таинственные синие комнаты. Лохмотьями призрачных гобеленов в них висели медузы. Стрелы кальмаров пронзали переливчатые стены и растворялись в синеве. Рыбьи косяки блуждали по солнечным залам, меняя свой узор, то сбиваясь в плотную кучу, то распадаясь ожерельями. Спинки рыбок то тут, то там вспыхивали чешуёй. Его новый дом. Призрачный, обманчивый, далёкий. Голый демон выполнил его детское желание: теперь мир людей бесконечно недостижим. Он вспомнил, где последний раз видел такую живую, дымчатую синеву. Как будто голый демон заключил его в драгоценный камень вместо себя. Лаура... Лаура! Как же теперь она без него? Как же он без неё... Нет!

Отчаянье свело щупальца судорогой, он резко сжал складку мантии, выталкивая воду под себя, и устремился туда, наверх, откуда сочилось солнце. Нелепо размахивая жгутами-конечностями в пустоте, он рвался, рвался к поверхности, ведь там осталась его любовь! Он осьминог, холодные залы воды со стенами из солнца — отныне его новый дворец, вместо Локрумского, но всё это не имело значения! Лаура, Лаура, Лаура! Он вынырнул, и

поверхность ослепила, ошеломила его. Он не привык ещё к воде, но воздух уже перестал быть родным. Стал сухим, холодным, ярким. Повсюду, насколько хватало глаз, разметалась водная гладь. Ни островка, ни точки на горизонте. Лучась рябью, море растворялось в голубоватой дымке, смешиваясь с небосклоном. Солнце стояло высоко. Совершенно непонятно было, сколько времени прошло, и как далеко занёс его смерч-водоворот. Вокруг только море. Он помнил: Перишельский архипелаг разметался по Эпиотике таким образом, что, путешествуя между островов, хоть один кусочек суши всегда увидишь, как бы далеко ни заплыл. И либо буря отбросила его совсем к полудню, на окраину моря, либо... Нет. Об этом думать он не хотел. Нужно скорее добраться домой! Доплыть, доползти, докарабкаться!

Домой? Но что для него теперь дом? Он осьминог. Мама, папа, друзья... Лаура... все они были у Марко. У наследного принца Локрума. А у спрута их нет. У спрута есть только щупальца и океан.

Он закрыл глаза и опустил под воду. Вокруг снова замерцала многомерная синева. Здесь его место. Глубина тянула в себя. Лучистые морские комнаты уходили наверх, он опадал в казематы цвета кобальтовой сини. Здесь он останется и здесь он умрёт. Щупальца коснулись рыхлого камня, чуть

горьковатого на вкус. Исполинский губчатый гребень косо уходил в глубоководный сумрак. На нём тесно росли жёлтые и розовые кораллы, сидели пузатые актинии, пряча в шевелюрах рыб-клоунов, цеплялись завитушками морские коньки.

Он распугал стайку зебрасом, обвил щупальцами коралловые ветки и растёкся по камню. Вспоминает ли о нём сейчас Лаура? И родные на Локруме? Наверное, все с ног сбились, разыскивая его. Но принца Марко больше нет. Остался только его медленно угасающий разум. Скоро морские глубины совсем потушат его. Присоски упруго лизали камень, глаза потихоньку закрывались. Вокруг буйствовала невероятная красота, да только никакого дела до неё ему сейчас не было. Он не хотел принимать этот мир, ни через глаза, ни через чуткие щупальца. Он так мечтал о нём в детстве, чтобы защититься от того, родного мира. Но теперь потерял оба. И ничего ему было не нужно. И ничего не хотелось.

Вдруг что-то поменялось. словно к апатии и безысходности добавилось ещё одно чувство: смутной тревоги. И вода... как будто неуловимо изменился запах. Совсем чуть-чуть — но ему вдруг стало не по себе. Не по себе? Он осьминог — этого ли недостаточно! Но всё же... Гулко билось его сердце. Не как раньше: «*ту-тум... ту-тум...*», — а словно сердце в нём теперь стало несколько, и они

бежали наперегонки, одно впереди, а два других догоняли:

«тум-та-да-тум-да-тум...»

тум-та-да-тум-да-тум...»

Он заозирался по сторонам, ища причину этой острой тревоги. И увидел. Там, чуть ниже, теряясь в ультрамариновом сумраке, колыхался жуткий силуэт. Наполовину скрытый в расселине камня, он высовывал длинную, уродливую пасть, разевал её так, что кожа по бокам раздувалась торбой. Два глубоко посаженных глаза, будто вдавленные пальцем в узкий череп, смотрели на осьминога. Это была мурена. И он вдруг понял, что видит перед собой гибель. Мурена выскользнула из засады, похожая на огромную чёрную кишку и, елозя брюхом по камню, двинулась к нему. Чуть сзади появилась ещё одна тень, такая же ловкая и хищная. Он пытался пошевелиться, он понял, что перед чудовищами как на ладони, и нужно что-то делать, но страх сковал его. Конечности напряглись, и мышцы словно скрутились в узлы. Он заметил, как с его кожей происходит что-то странное: она вся подёрнулась рябью, какими-то пупырышками, будто мурашками, и судорожно меняла оттенок. Наверное, осьминожье естество неуклюже пыталось замаскироваться среди кораллов. Но человеческое разумение подсказывало, что всё тщетно, и он пропал. Мурены приближались спокойно, не торопясь, будто чуяли его страх, будто

знали: перед ними не настоящий осьминог, а лишь нелепый мальчишка в чужой шкуре. Каждая из рыбин была меньше напуганного моллюска, но тот понимал, что защититься никак не может. Их пасти были набиты зубами так плотно, что не закрывались. Сейчас они бросятся на него, заглотят каждая по щупальцу, вгрызаясь у самого основания, и начнут быстро вращаться, как веретёнца, отрывая ему мягкие, беззащитные руки. Сначала две конечности. Потом ещё две. Потом ещё и ещё. А потом примутся терзать обезображенную тушу, которая уже перестанет менять цвет, и в которой навсегда уснёт сознание локрумского принца.

От страха и тоски ему почудилось, будто он готов обмочиться. Как в детстве, когда поджилки трясутся, и ты не в силах сдерживаться. На миг ему даже стало неловко и смешно: из всех человеческих свойств он, в облинии моллюска, сохранил какие-то нелепости. Мурены подлетели смертоносными призраками, он ощутил колыхание воды от их тел. Он отпустил свой страх и расслабился. Жидкость толчком покинула тело, словно лопнул пузырь, но оказалась совсем не тем, что он ожидал. Через воронку наружу выплеснулось чернильное облако, причудливое и будто бы повторяющее дымными краями осьминожьими очертания. Хищники на полном ходу окунулись мордами в чернила, и дальше всё стало происходить само собой, будто

ловкое тело взяло верх над перепуганным разумом. Спрут молниеносно подобрался, скрутил щупальца пружинами, одновременно могучим взмахом расправляя мантию и наполняясь водой, а затем разом сплющился, как спринцовка, толкнулся от коралловых зарослей и взмыл вверх. Кровожадные рыбины недоуменно тыкались в чернильной воде, не понимая, куда пропала беспомощная жертва.

Вытянувшись в полоску, он воздушным змеем уносился всё дальше и дальше, оставляя гиблый риф на глубине. Он не понимал, как это произошло. Оглядываясь назад, на синюю бездну, он вновь переполнялся страхом, но вместе с тем ещё и каким-то смутным уважением к своим внезапно проявившимся инстинктам. Он растопырил щупальца, которые всё ещё продолжали нервно пульсировать оттенками — от красно-бурого к пепельно-серому — и впервые посмотрел на это тело как на своё. Неумелое, непривычное, чудное. Но, как ни крути, это было его тело, и всякое другое у него отняли. И у этого тела, похоже, имелся некоторый потенциал. Просто нужно учиться. Когда-то, как и все молодые аристократы, он обучался пяти благородным искусствам: фехтованию, танцам, изящной словесности, верховой езде и игре в тары. Когда-то он был так горд и счастлив овладеть ими. Но сейчас эти знания стали бесполезны, а навыки растворились в

прошлом. Он понял, что сейчас ему придётся научиться всему заново. Не для того, чтобы стать образованным локрумцем. Просто чтобы выжить. И пусть он заключён в это морщинистое подводное тело; пусть вокруг рта у него извиваются щупальца в гирляндах присосок — его единственные теперь руки и ноги; но его по-прежнему зовут Марко. осьминог Марко. Спрут Марко. Гигантский моллюск Марко. Глупый, несчастный мальчишка Марко. Неважно. Кем бы ни был этот Марко — он ещё не отчаялся.

Внезапно тонкие твёрдые нити впились в его тело крест-накрест. Вода вокруг забурлила, Марко увидел, как всюду копошатся рыбы и кальмары, пленённые, как и он. Путы сдавили его и потащили вверх.

2

Вода закипела, загрохотала вокруг. Со всех сторон навалились рыбы тулова, они тёрлись и пихались, будто на рынке в очереди за деликатесами. В сущности, они же и были деликатесами, как и он сам. Захотелось есть. осьминожье тело вновь проявило сноровку и втянуло импульсивно солёную воду, прежде чем ком подводной живности с шипением вырвался на поверхность.

— Тащи! Тащи! — кричали откуда-то сверху.

Вновь оглушил и ослепил воздух. Рыбьи тела вмиг потяжелели, тесное трепыханье их сделалось душным и невыносимым. Пространство дергалось, перевёртываясь, как в беличьем колесе, мелькали лоскуты неба, парусов, квадраты палубы в обрамлении планширей, а потом сети распахнулись, и Марко грубо швырнуло о днище — плю щ а в тонкий блин, а со всех сторон громоздились и лезли в глаза скользкие, чешуйчатые туши. Он заметил, что вода в жабрах, так заботливо припасённая инстинктом, позволяет ему спокойно дышать на поверхности. Но Марко задыхался. Задыхался от толчеи рыб и гадов, от их скользких туловищ, от их страха и боли. Марко ненавидел толпы. Человеком ли, осьминогом ли, он не желал находиться в давке. Что ж, по крайней мере, теперь ему не могут сломать рёбра. Он закрыл глаза и постарался вернуться мыслями к тому моменту прошлой жизни, когда они с Лаурой, маленькие, шныряли между зевак в карнавальную ночь — их первую карнавальную ночь вместе — и ему было плевать на толпу, на тесноту, шум и гам. Всё это в тот вечер даже нравилось маленькому принцу. Он расслабил мышцы и принялся впритирку скользить сквозь мучительно умирающую массу, просовывая щупальца в тесные зазоры между боками и хвостами, чувствуя их водянистость, их терпкий,

солёный вкус. Как же противно, подумалось Марко. И как же хочется жрать. Протискиваясь мимо жирных стерлядок, тунцов и лангустов, царапаясь о плавники и клешни, он лез выше и выше, пока небо вновь не плеснуло ему в глаза резкой голубизной. Он уселся на трепещущей куче. Вокруг ходили хмурые люди и баграми ворошили улов. Марко прихватил присосками в какую-то мелкую рыбёшку, стремглав скользнул по чешуе тел, как по гребням волн, и забился в тень, под мокрый бимс, между досками палубы.

Неловко сжимая рыбёшку, он завернул щупальца под себя, пытаясь пихнуть пищу в рот. Попробовал раззявить челюсти, но ощутил вместо них пару жёстких пластин, словно птичий клюв. Рыбка не лезла. Он принялся долбить клювом чешую, рвать тушку, неуклюже заглатывать розовые ошмётки. Жевать было нечем. Сочные куски вставали поперёк глотки, которая оказалась гораздо меньше, чем та, к которой Марко привык. Он давился, беззвучно кашлял и срыгивал куски обратно на палубу. Ему было мерзко и голодно. Толчками щупалец он снова подтаскивал рваную рыбу и тянул в рот, разминая присосками, терзая клювом. В конце концов, он приноровился растирать пищу шершавым языком и проглатывать в виде кашицы, словно немощный старик, у которого уж не осталось рабочих зубов.

Марко ел, забившись в щель, и зыркал по сторонам. Матросы, похоже, не обратили на него никакого внимания. Они сновали, тыкая в кучу и, время от времени, выбрасывая багром за борт негодную рыбу. У всех на головах были красные шапочки. Марко вглядывался в лица, но никак не мог понять, узнаёт их или нет. Вроде бы многие казались знакомыми, но словно из какого-то далёкого сна. Все лица были угрюмы. Не слышно было ни смеха, ни песен. Только редкие окрики. Люди понуро выполняли свою работу, словно механические куклы в часах. Будто какая-то тяжесть набухла над судном, над этими мрачными людьми, над кишасей рыбой, и серые паруса провисли под палящим солнцем. И только сейчас Марко заметил, что поодаль лежат несколько человек, прикрытых парусиной. Один край задрался. Марко увидел лицо, неподвижное и разбухшее; тусклый, остекленевший глаз. Марко в ужасе отвернулся. Рыбаки тоже старались не смотреть в ту сторону и занимались своими делами. Один из них не носил красной шапочки. Он был молодой, рослый и худощавый, в потёртой белой рубашке с закатанными рукавами. Когда он проходил мимо, остальные отводили глаза, словно он тоже был утопленником, а потом хмуро смотрели в спину. Это был Эрик. Марко угодил на «Пелаמידу».

Марко закричал: «Э-э-эй! Эрик, я здесь!» — но быстро понял, что лишь беззвучно разевает клюв. Он не умеет говорить. Лучший друг не услышит, не увидит его. А если и увидит, то просто бросит в кучу с другими гадами. Маркову тушу купят на рынке, а потом подадут к столу с рисом и каперсами. Но Эрик даже не смотрел в его сторону. Казалось, он вообще не смотрит по сторонам. Будто спящий, он ходил по судну и машинально поправлял шкоты, подбрасывал выпавшую из общей кучи рыбу, скручивал невод, что-то ещё... И Марко не мог окликнуть его, не мог ни рассказать, в какую беду попал, ни спросить, кто эти утопшие и что приключилось у самого Эрика. Всё, что он мог сейчас, это украдкой смотреть из-под бимса, слушать гнетущее молчанье и скрип снастей да измельчать красную рыбу языком-тёркой, чтобы не помереть с голоду.

Коренастый человек подошёл сзади и робко положил пятерню Эрику на плечо.

— Пора домой, сынок, — тихо сказал он. — Не отыщем уж.

Эрик чуть вздрогнул, распрямился.

— Трюмы пока не забиты, — пробормотал он, пялясь в никуда. — Можно же ещё рыбы...

Коренастый опустил голову, хмыкнул неясно и как-то отчаянно впился пальцами в парня.

— Рыбы... Эрик, рыбы теперь везде хватает.

Кишит в каждой подворотне, хоть метлой отбивайся. Лови — не хочу.

— Тунец не пойдёт близко к берегу, — бесцветно отвечал Эрик. — И макрельки-фрегаты... Их только здесь, на глубине.

— Близко к берегу? — выкрикнул кто-то из рыбаков. — Да где он теперь, берег-то, а?

— Не суйся, Бровиш! — рявкнул коренастый.

— К жилищу человека тем более не пойдут косяки, — сказал Эрик, не меняя тона. — Надо ещё закинуть разок-другой... И вон туда подойти, к рифам ближе...

Он нагнулся было распутать невод, но пальцы коренастого жёстко дёрнули его за плечо.

— Эрик... хватит, правда. Ты же понимаешь. Мы же все понимаем. Не вернуть.

Все молчали. С Эрика вдруг схлынуло оцепенение, он резко отшвырнул руку коренастого, глаза полыхнули отчаяньем и досадой.

— Ты, Яшка, уже всё решил, я гляжу! — заорал он. — Чего вернуть, решил, и чего не вернуть, да? Старый, умный стал, да?

— Да я ж ведь...

— Иди ты! — Эрик пихнул коренастого Яшку в грудь, сам сапогом запутался в неводе, махнул неуклюже руками, повалился на палубу и заплакал.

Страшное осознание того, что произошло, подбиралось к Марко. Они искали его! Он уплыл,

самонадеянный дурак, и не воротился, а верный друг пытается найти его! Но как, как сказать ему теперь! Что он здесь, что он по-прежнему жив! Да только по-прежнему ли... и он ли вообще...

— Поворачиваем к дому, — почти прошептал Эрик, давя в себе слёзы.

Не в силах больше видеть страдания друга, Марко вжался в мокрое дерево, просочился через какие-то щели и выглянул за борт. Кругом вода. Брызги долетали до Марковых жабр, впитываясь и облегчая дыхание.

Когда идёшь по Эпиотическим водам на полночь, первыми появлялись три сгрудившихся утёса, будто локрумские морские привратники. Торчащие из воды, с рощами на склонах, они походили на гигантские ломти слоёного сырного пирога, щедро посыпанного укропом и петрушкой. И теперь, внезапно Марко увидел их — и совсем не узнал. Утёсы ушли с головою в море. «Пеламида» проскользнула вплотную к ним — и над ними. Роци причудливо колыхались в толще вод, высунув косматые верхушки на поверхность. Среди сосновых ветвей тенями плавали большие рыбыны.

И вдруг мозаика, что собиралась из врезавшихся в разум Марко осколков, обрывков рыбацких слов, наконец, сложилась. Принц-осьминог увидел перед собой Локрум. Остров, его родной дом, был затоплен, съеден по

самые плечи морем. Башни, деревья и туманные горы выростали прямо из воды, они мерцали в дымке сказочными кораллами — и были сразу и так знакомы, и так причудливы. Ленты крепостных стен убегали под воду и вырывались из неё вновь, белый их камень ослепительно сиял и подрагивал в солнечном мареве. Это было прекрасно и чудовищно; и чем быстрее приближался утонувший Локрум, тем меньше становилось прекрасного, а чудовищного — много, много больше. Некоторые дома ушли в воду целиком. У других торчали над гладью крыши, как оранжевые черепашьи панцири. Черепица была разломана и зияла рваными дырищами, стены покосились и щербато обрушились, в воде плавал мусор, корзины, ящики, тряпки. Марко увидел обломки кораблей и судов, увидел и невредимые суда, швартуемые прямо к башенным шпилям и карнизам, а вокруг — пёстрое множество лодочек, шлюпов, плотов, каких-то на скорую руку перемотанных верёвками досок — и все они копошились на улицах колеблющейся, полупрозрачной бирюзы. «Пеламида» мягко двигалась среди них, замедляя ход. В лодках и на плотках сидели люди, много-много людей: испуганных, рыдающих, спокойных, безмолвных, сквернословящих, молящихся, скорбящих, бунтующих, смирившихся. Все они таскали какие-то тюки, ревущую скотину, перевозили друг

друга с места на место, спасали вещи, животных и родных, выволакивали на поверхность безвольные тела тех, кого уже не спасти. Кто-то пытался латать опоры стен, кто-то выгружал скарб прямо из окон. Отовсюду выкрикивали имена, имена, имена. Люди пытались отыскать своих в этом грандиозном, причудливом хаосе. Они снова и снова звали близких — в пронзительной, неистовой надежде, что не утонули, что живы и ждут их где-то, в паутине затопленных улиц.

Кожа Марко лихорадочно меняла цвет от сжирающих нутро чувств, подёргивалась беспорядочными пятнами, а среди тех эмоций в принце-осьминоге вызревала одна — пока ещё смутная, но тяжёлая и гнетущая. Нет, не жалость и не страх за собственную судьбу. Чувство вины.

Одинокий старик в соломенной шляпе и рваных штанах вышел на крылечко, снял башмаки и поставил рядышком. Ему повезло: домишко стоял на склоне холма, вода подошла к порогу и выше не поднялась. Колючий рак-отшельник увлёкся старческим башмаком и норовил заселиться в него. Старик не обращал на то никакого внимания: босой, он уселся на уходящие от крыльца под воду ступеньки и тщетно раскуривал промокшую трубочку.

Обхватив ручонками водосточный жёлоб, на мятой крыше плакал ребёнок. Дом покосился, и

крыша круто уходила в пучину, норовя утопить малыша. Чьи-то руки с проплывающего плота подхватили его и крепко обняли. Марко даже боялся подумать, что тому пришлось пережить и кого потерять.

Внизу, в колеблющейся толще, мерцали мощёные булыжником улочки, кованые фонари, решётчатые крыши харчевен, увитые лозой. Плющ клубился, как дремучие водоросли, среди него шныряли стайки мелкой блестящей рыбёшки. Над подводными улицами и ступенями лестниц повисли разбухшие пятна мертвецов. Они словно вплавились в густую водную массу и были похожи на потерявшиеся между небом и землёй облака. Одно из тел волокнисто парило рядом со слетевшей с петли дверью, распахнутой, как устрица. Словно бы человек собирался выйти из дому, уже переступил порог, но отчего-то задремал на полушаге и взлетел во сне.

Осьминог Марко съёжился между досок, и сердца его колотились сейчас вдогонку друг за дружкой: *«Тум-та-да-тум-да-тум... тум-та-да-тум-да-тум...»* Лютый ужас вины стискивал их. «Это я... это всё я! — думал Марко с горечью. — Но как, как такое возможно!»

«Пеламида», спустивши паруса, вошла в рыбацкий квартал — то, что от него осталось. Посвёркивающие рукавчики воды трепыхались

прямо под балконом Эрикова дома. Все жилища пониже поглотила пучина. Поломанные ветви магнолий размокли и обвисли на балконе сырыми мочалами. «Пеламида» уронила якорь: сглотнув, якорь ухнул вниз и упал — Марко увидел — среди розовых кустов Славко Митича. Как когда-то падали туда они с Эриком, маленькие и счастливые, в толще солнечного света, а не морской воды. Коренастый Яшка соскочил и взялся ладить чалку прямо к балкону.

Поодаль, у ступеней карабкающейся на холм лестницы, Марко увидел двух женщин на обломке скамейки. Их лица будто бы ничего уже не выражали. Одна из них теребила в руках какой-то предмет. Другая пронзительно прижимала к груди мужскую куртку.

— Когда смерч пришёл, он ведь туда бросился, — говорила она, глядя перед собой заплаканными глазами. — Сразу, как потемнело над морем. Я быстро, сказал, только сети сверну. Будь они прокляты. Ведь не детишек звать с берега побежал! Все до ма по лавкам уж сидели, а он! Сети только сверну, сказал. Кинул мне вот её и ушёл!

Женщина спрятала лицо в куртке и затряслась от рыданий. Первая, казалось, слушала её и монотонно кивала, но при виде швартуемой «Пеламиды» вся вдруг вскочила и бросилась к судну. Путаясь в промокших подолах, разбрызгивая

воду отёкшими босыми ступнями, она неуклюже и яростно шлёпала по затопленной террасе и словно ела глазами каждого спрыгивающего с «Пелаамиды» человека. Это была тётка Бажена.

Пару недель назад отец Эрика, напрягши всю свою мужескость, предложил ей руку вместе с сердцем. Многие тогда втихую над Петаром хихикали, мол, первый рыбак королевства, а каков тихоход! Уж сколько лет прошло, как они бегать друг к дружке начали, потом, считай, обжилась Бажена у него, быт укротила, уют навела — а старый фантазёр всё лясы точил! Но Марко не хихикал: старик Петар хоть и тихоход, а его-то, пылкового рыцаря, обогнал! Локрумский принц с предложением своей возлюбленной тянул куда дальше. А Бажена вся как помолодела после того Петарова жеста, словно крылья выросли. Каждый день вплетала себе в волосы цветок бугенвиллеи, совсем будто девчонка. Ходила всё пританцовывая, несмотря на пышность, и напевала под нос.

И вспомнив об этом, затаившийся в корабельной щели осьминог вдруг сообразил, что всё это время Петара не было на судне. Не видать его было и здесь. Там, в море, «Пелаамида» разыскивала не Марко. Эрик спрыгнул на террасу, по колено оказавшись в воде. Бажена остановилась в паре шагов от него. Она безмолвно, неистово смотрела в глаза Эрику, пытаясь отыскать хоть

каплю для себя надежды, и всё теребила, мяла, терзала в руках ту вещь, с которой сидела на разломанной скамье. Это была красная рыбацкая шапочка. Эрик молча стоял перед ней, опустив руки в разболтанных рукавах. Он ни звука не произнёс, не покачал головой — просто стоял. Лицо Бажены искажилось, она рухнула в воду. Она кричала, плакала, кляла судьбу, богов, задыхалась. Эрик подошёл и присел рядом. Прижал её голову к груди и стал смотреть, как играют мелкие солнечные отражения на стене его дома. Теперь он был этому дому хозяин и защитник. И эта женщина, которая вдруг сделалась такой маленькой и уязвимой, была единственной матерью, которую он знал. И только он теперь мог о ней позаботиться. Бажена подняла глаза, расправила шапочку Петара и надела на него. Лицо её сверкало слезами и солёными брызгами.

— У нас всё будет хорошо, сыночек, — она гладила щёки Эрика, его нос, губы, потому что они напоминали её Петара, и улыбалась сквозь боль. — Ты же сильный, как он. У нас всё получится...

Эрик стиснул её в объятиях.

— Только, заклинаю, не будь таким же дурнем! О судьбе рассуждал постоянно, а такой дурень был! В море ушёл, даже шапки не надел! — она снова подняла на Эрика глаза, омуты отчаянья. — Как же без шапки-то!

— Я никогда её не сниму, — тихо пообещал

Эрик.

Рыбаки теньями сходили с «Пеламиды», тихо сносили тела, а потом разбредались, кто куда. У Марко сделалось пусто внутри. Он вспомнил перекрещенные крючья, и словно они вытянули теперь из души всё, что там было. Осталась только тоска: злая, беспросветная, холодная тоска. Он вновь жалел, что сделался осьминогом, но уже по-другому: лучше бы он захлебнулся в пучине, а не мучился сейчас страданиями близких. Страданиями, в которых повинен был сам.

— И Славко тоже сгинул, — всхлипывала Бажена на руках у Эрика, чуть обернувшись на женщину, что сгорбилась на скамейке с курткой мужа. — Софа одна с ребятишками осталась. И кошки у ней все потопли...

— Поможем, — только и сказал Эрик. Всё то мальчишеское, всё то родное и задорное, что Марко знал в нём, сейчас выдернулось, истёрлось. Утрата и ответственность навалились на Эрика, как беспощадные палачи. Может быть, они делали его сильнее. Но неотвратимо калечили.

Марко опустил под воду, чтобы ничего этого не видеть и не слышать. Он хотел совершить блистательный подвиг, достать с неба звезду для любимой. Но вместо этого, не ведая и не понимая, высвободил какое-то невысказанное, грандиозное зло. Это зло отняло у него лицо, пришло к нему в дом и

всё изуродовало, истоптало. Страшное предчувствие вдруг прострелило сознание принца. Папа, мама! Высо ты острова море не поглотило, и он видел башни Козицына Верха, когда «Пеламида» подплывала к Локруму. Но что если они...

Нет! Осьминог отчаянно толкнул из себя воду и рванулся вперёд. Надо скорее во дворец! Только бы живые, только бы живые — стучалось в голове Марко. Только бы мама была невредима. Только бы с отцом всё было в порядке. Он яростно раздувал и сокращал мантию, могучими толчками рассекая толщу, он мчался в ту сторону, где, как ему казалось, должен был находиться дворец, однако вскоре сообразил две ужасные вещи. Во-первых, как ни качал он яростно через себя воду, движение его теперь получалось куда неспешнее, чем когда-то бегом по земле. А во-вторых, на затопленных улицах Локрума стало трудно сориентироваться. Вроде бы, всё было знакомо, но стало другим, чужим, искажённым.

В детстве маленького Марко часто посещал кошмар, сон, повторявшийся во множестве вариаций не раз и не два. Ему снилось, как он взбегал после гуляния по юрким лестницам к дворцовой площади, рвался-спешил изо всех сил домой, как вдруг понимал, что перед ним вовсе не его дворец. И площадь другая, и улочки вокруг не

те. Причём, он не ошибся дорогой, не вышел в другое место: просто его родной дом подменили. Ступени у лестниц другой высоты, на окнах растёт не бугенвиллея, а репейник; на крылечках иные двери, у них другие узоры и чужие замки; и его дверь, парадный вход в родное жилище — тоже другая. Вроде всё очень похоже на настоящее, но не совсем. Грубая подделка, нелепые стены и проёмы, равнодушно следящие за его реакцией. Они наблюдают за тем, как приходит осознание подмены, а вместе с ним — липкий, безнадёжный страх.

Сейчас тыкающийся по закоулкам Локрума осьминог ощущал тот же страх. Под ним лежал его город, знакомый до неузнавания. Внизу, на глубине, в зеленоватых отсветах дыбились горбатые улицы, как если бы смотреть на них сквозь кривую бутылочную стекляшку. Затонувшим пиратским кладом лежали разбитые горшки, тарелки, куски черепицы, посвёркивали обода колёс, пики оград, дверные петли, крышки кастрюль. Мелкие рачки копошились в кучах зерна, насыпавшегося из мешков с разодранным брюхом. Совсем недавно — и так давно! — Марко бегал по этим улицам, чистым и ухоженным, а теперь, казалось, это улицы древнего, погибшего города. Над ним проплывали корзины и доски, кувыркались по поверхности яблоки, луковицы и

чи-то рваные башмаки. Городской хлам, солома, гнилые водоросли, нанесённые морем — скапливались в тупиках, в углах примыкающих друг к другу домов. Под водой снизу доверху распростёрлись фантастические простыни, рубахи, занавески, платья — время от времени Марко запутывался в них, рвался из липкого плена и нёсся дальше. Запихнув отчаянье в самые дальние уголки сознания, как забивался сейчас по закоулкам города разбухший мусор, он старался узнавать в немых дверях и вывесках знакомые кварталы, чтобы поскорее добраться до дворца. Да, он осьминог теперь. Да, его окружают кошмары из детских снов. Но сейчас главное увидеть родителей. Только бы были живы.

3

Закатную башню Козицына Верха он определил сразу. Однажды с Лаурой, прячась в сумерках от дворцовой стражи и случайных прохожих, они забежали за угол Закатной башни и тесно прижались к её ноздреватому камню, ещё горячему после жаркого дня. Они смеялись и целовались до головокружения, и здесь Марко нацарапал их имена, заключив в рамочку из завитушек. Если бы отец узнал, пылкому принцу было бы несдобровать. Король Милан устроил бы

сыну выволочку, тыча себя пальцем в лоб и приговаривая: «Мозг! Мозг должен быть на плечах!» Но хулиганство Марко было надёжно скрыто ветками апельсина.

Марко всё сразу узнал: и ту самую стену башни, и апельсиновые деревья. Раздвинув щупальцами колышущиеся ветки, он увидел выцарапанное в камне милое имя, и сердца его сжались. *Тум-та-да-тум-да-тум...* В буквах налипла тина с крохотными пузырьками. Из апельсиновых зарослей выскочило испуганное семейство морских коньков: причудливый самец-папаша — хвост загогулиной, морда дудочкой — и куча-мала детишек-мальков. Наукой не была окончательно решена природа этого животного. Одни учёные группировки называли морского конька рыбой, другие — дальним родственником гиппокампов, третьи занимали промежуточную позицию, полагая, что гиппокамп, в сущности, та же рыба, как минимум наполовину, и спорить, в общем-то, не о чем. У морских коньков всё было заведено не так, как у других. Малышей после рождения донашивал и выкармливал отец. Он выгуливал их в пупырчатой сумке на брюхе, опекал и воспитывал. Так же и Петар вырастил Эрика, подумал Марко. Матушка умерла родами, Эрик был первым и единственным ребёнком. И главный рыбак королевства тащил сына на себе, стойко, как

морской конёк. И тоска, спрятавшаяся было от нахлынувших воспоминаний, вновь распухла у Марко внутри. Он ухватился присосками за стену башни и мягко двинулся вдоль неё, вспоминая, что где-то здесь должна быть сточная решётка. Он попробует пробраться во дворец через затопленные подвалы.

Решётка обросла илистыми пузырями. Марко не знал, сколько времени он болтался без сознания в море, и как давно мистический смерч обрушился на Локрум. Он думал, что прошла ночь, максимум сутки. Рыбы-иглы копошились возле железных прутьев, шамкая губёшками налипший ил. Неужели город успел настолько пропитаться пучиной? Расшугав рыб, он прижался к решётке, и тело его мягко сжалось, расплющилось и — словно сдобное тесто между крышкой и краем кастрюли — протиснулось промеж прутьев. Марко ощутил, как вытягиваются, истончаются его мышцы и внутренности, и как естественно, упруго затем возвращаются в своё обычное состояние. Казалось, немаленькое осьминожье тело просочится в самую тесную щель — и где-то там, в закоулках сознания, куда он сослал на время все свои страхи, Марко признал, что ему приятна эта нечеловеческая гибкость.

Локрумский дворец встретил принца неясными в голубизне очертаниями сводов и

колеблющимися щелями каменных блоков. Сточные канавки, сообразно инженерному замыслу изрезавшие дно Закатной башни, теперь казались бороздами, какие оставляют в песке устрицы. Канавки затопило, куски нечистот поднялись и плавали повсюду. Мелкие рыбёшки облепляли их стаями. Марко неуклюже расталкивал фланирующие комья и поднимался к поверхности. Там вода бурлила и приобретала внезапно стремительное движение, а над ней мельтешили какие-то пятна. Водоворот захлестнул осьминога, закрутил в беспорядке и куда-то швырнул. Мягкое тело ударило в опорную колонну, Марко замахал конечностями, выпячивая присоски и цепляясь вслепую. Сопrotивляясь течению, он обхватил колонну щупальцами и осторожно пополз вверх, пока не высунулся на поверхность. Около ворчливой воды суетились люди: гвардейцы в полосатых куртках — промокший пурпур с золотом — и несколько инженеров. Гвардейцы с гиканьем налегали на рычаги двух насосных машин; вращались здоровенные шестерни, и промасленные парусиновые хобота создавали бурление. Мутная вода всасывалась в них и хлестала с противоположной стороны в какие-то полости. Чуть дальше инженеры собирали третью машину. Среди них Марко увидал отца. И так отчаянно впился присосками в камень, что, казалось, сейчас

переломит колонну.

Король Милан в простых шоссах и наспех наброшенном на голое тело фартуке, весь перепачканный, совсем не походил на властителя Локрума. Но походил на отца. Усталого, нервного, пытающегося держаться. И он был жив.

— Прилаживайте скорее! Может, тремя плечами дело быстрее пойдёт.

— Да без толку, вашество! — пыхтя, крикнул кто-то из гвардейцев. — В два, в три плеча сосать, какая разница? Нисколько не сходит, сами же видите!

Король перевёл дух и отёр шею ручищей. Задача не решалась. Но быть здесь, потным, вымазанным в дерьме, жать рычаг насоса и пытаться решить головоломку с ёмкостями было для него душевным спасением. Только бы не думать, не вспоминать о том, что потерял сына.

— Эй, Горан! — окликнул король молодого инженера, заворачивающего шестерню у насоса. Тот вздрогнул и распрямился. — А скажи-ка мне, дорогой друг, вы решётку закупили внизу?

— М-м... решётку? — глаза человека забегали и он неуверенно, совсем по-девичьи, заломил руки.

— Ну да, да, сточную решётку! — Милан раздражённо сдул с носа капельку пота. — Что тут непонятного? Завалили наглухо?

Молодой инженер будто бы растерялся.